

КИТАЙ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ОТ ПЕРИОДА ВЕСЕН И ОСЕНЕЙ ДО СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Толстых Владислав Леонидович

Доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения
Российской академии наук (Москва), ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

История международно-правовой политики Китая представляет интерес не только как оригинальный артефакт; она является важным фактором, определяющим восприятие Китаем современного международного права, и постоянным пунктом референции – своего рода мифом, встроенным в официальный дискурс, к которому постоянно обращаются как государственные лидеры, так и представители доктрины. В данной статье рассматриваются пять ключевых вопросов, касающихся взаимоотношений между Китаем и международным правом: 1) особенности международных отношений в Древнем Китае в период раздробленности; 2) особенности трибутарной системы, существовавшей в имперский период, и фундирующей ее концепции Тянься; 3) эволюция отношений между Китайской империей и Западом, итогом которой стала Синьхайская революция 1911 г. и создание республики; 4) правовой режим неравноправных договоров, заключенных между Китаем и западными державами в XIX в.; 5) правовые аспекты конфуцианства и других китайских традиционных идеологий. Применительно к каждому из этих вопросов приводятся оценки китайских и западных авторов и в некоторых случаях – позиция автора. В заключении автор делает выводы, касающиеся восприятия Китаем международного права: 1) оно рассматривается как инструмент, который был использован против Китая и в совокупности с другими инструментами причинил ему огромные страдания; 2) оно воспринимается относящимся к «царству морали», а не к «царству права», т. е. оценивается в первую очередь в системе морально-этических координат, а не в системе координат, используемых правовой наукой; 3) оно считается навязанным Китаю извне и чуждым его традиции; будучи некитайским, оно понимается как временное, необязательное и неинтересное; 4) история международного права начинается для Китая в XIX в., т. е. в момент его встречи с Западом; она начинается с порабощения Китая и должна закончиться его эмансипацией; 5) одним из результатов данной встречи стала утрата Китаем его территорий; восстановление прав на них – важная задача китайского правительства и китайской доктрины; 6) международное право рассматривается как ритуал, т. е. как жестко регламентированная совокупность формул и действий.

Ключевые слова: история международного права, Китай, трибутарная система, неравноправные договоры, экстерриториальная юрисдикция

Для цитирования: Толстых В. Л. Китай и международное право: от Периода Весен и Осеней до Синьхайской революции // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 6. С. 13–37. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_13.

CHINA AND INTERNATIONAL LAW: FROM THE SPRING AND AUTUMN PERIOD TO THE 1911 REVOLUTION

Tolstikh Vladislav

Doctor of juridical sciences, leading researcher, Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences (Moscow), ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

The history of China's international legal policy is not only of interest as an original artefact; it is also an important factor in determining China's perception of contemporary international law and a permanent point of reference – a kind of myth

embedded in official discourse and constantly referred to by state leaders and scholars alike. This article examines five key aspects of China's relationship with international law: 1) the peculiarities of international relations in ancient China during the period of fragmentation; 2) the peculiarities of the tributary system that existed in the imperial period and the Tianxia concept that underpinned it; 3) the evolution of relations between the Chinese empire and the West, culminating in the 1911 Revolution and the establishment of the Republic; 4) the legal regime of unequal treaties concluded between China and Western powers in the XIX century; 5) the legal aspects of Confucianism and other traditional Chinese ideologies. For each of these issues, the assessments of Chinese and Western authors and, in some cases, the author's own position are given. The author draws conclusions regarding China's perception of international law: 1) international law is seen as an instrument that has been used against China and, together with other instruments, has caused China great suffering; 2) it is seen as belonging to the «realm of moral» rather than the «realm of law», i. e. it is primarily evaluated in the system of moral and ethical coordinates rather than in the system of coordinates used by legal scholarship; 3) it is seen as imposed on China from the outside and as alien to its culture; being non-Chinese, it is perceived as temporary, non-binding and uninteresting; 4) for China, the history of international law begins in the XIX century, i. e. at the moment of its encounter with the West; it begins with the enslavement of China and should end with its emancipation; 5) one of the results of the encounter was the loss of China's territories; the restoration of titles to them is an important task of the Chinese government and Chinese doctrine; 6) international law is seen as a ritual, that is, as a rigidly regulated set of formulas and actions.

Key words: history of international law, China, tributary system, unequal treaties, extraterritorial jurisdiction

*For citation: Tolstykh V. (2024) China and international law: from the Spring and Autumn Period to the 1911 Revolution. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 13–37, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_13.*

Введение

История отношений Китая с международным правом долгое время не вызывала большого интереса: западные авторы были склонны рассматривать не только Китай, но и Азию в целом как периферийный и отсталый регион, а китайские авторы были преимущественно сосредоточены на внутренних проблемах. В последние годы ситуация резко изменилась, что может быть объяснено двумя обстоятельствами: во-первых, стремлением западной доктрины преодолеть европоцентризм¹; во-вторых, стремлением самого Китая занять более значимое место в мировом порядке – попытка реконструировать собственную историю направлена на придание этому стремлению большей легитимности.

До недавнего времени речь шла о встречном движении: несмотря на разные перспективы, и западные, и китайские авторы стремились доказать, что Китай был знаком с элементами международного права или, по меньшей мере, был готов к его рецепции, состоявшейся в XIX в. Включение китайской истории в общий нарратив придает этой истории *смысл*, позволяет снять посттравматический синдром, возникший в результате Опиумных войн, легитимирует политическую модель, созданную по западному образцу, и позволяет апроприировать ряд правовых категорий, таких как суверенитет, невмешательство и др.² Вместе с тем оно легитимирует само междуна-

¹ Примером использования этого подхода является авторитетное издание: Oxford Handbook of the History of International Law / ed. by A. B. Fassbender, A. Peters. Oxford: Oxford University Press, 2012. По мнению критиков, сторонники этого подхода пытаются обнаружить в незападном опыте категории европейского права; это сохраняет Европу в качестве главного исторического субъекта и места возникновения международного права, в то время как все иные истории выглядят лишь вариациями европейского гранд-нарратива. См.: Carrai M. A. Historiographies of International Law from a Chinese Perspective // *Clio@Themis*. 2020. № 18. URL: <http://journals.openedition.org/cliiothemis/302> (дата обращения: 30.10.2024).

² «Ведущие китайские профессора Ван Тейя, Сюэ Ханьцинь и Цзя Бинбин придерживаются национальной или патриотической перспективы. Для них история международного права в Китае связана

родное право, которое предстает не как продукт локальной (европейской) культуры, но как общее достояние всего человечества.

На рубеже XX–XXI вв. наметилась другая тенденция: китайские авторы стали подчеркивать оригинальность древнекитайского порядка и регулирующих его норм, представляя их как альтернативу западным моделям. Более того, появились работы, доказывающие целесообразность реабилитации старых концепций, которые якобы позволяют вывести человечество из того кризиса, в котором оно оказалось. Такого рода исследования помогают Китаю преодолеть комплекс отсталости, объяснить свои отличия (например, в части прав человека) и одновременно реализовать внешнеполитическую повестку (организовать пространство «Один пояс, один путь», подкрепить претензии на спорные территории и др.). Общим фоном для них является *историзм* – подход, постулирующий отсутствие единой истории и наличие параллельных национальных историй¹.

В данной статье рассматриваются пять ключевых вопросов, касающихся взаимоотношений между Китаем и международным правом: 1) особенности международных отношений в Древнем Китае в период раздробленности; 2) особенности трибутарной системы, существовавшей в имперский период, и фундирующей ее концепции Тянься; 3) эволюция отношений между Китайской империей и Западом, итогом которой стала Синьхайская революция 1911 г. и создание республики; 4) правовой режим неравноправных договоров, заключенных между Китаем и западными державами в XIX в.; 5) правовые аспекты конфуцианства и других китайских традиционных идеологий. Применительно к каждому из этих вопросов приводятся оценки китайских и западных авторов и в некоторых случаях – позиция автора.

Период Весен и Осеней и Период Сражающихся царств

Идея о том, что уже в древности Китай использовал международное право, была выдвинута в XIX в. американским миссионером У. Мартином и поддержана многими китайскими учеными. Еще дальше идет С. Нефф, по мнению которого Древний Китай попытался сформировать свод принципов международного права, соответственно, сама дисциплина родилась именно здесь, а Греция и Рим лишь сделали «решающий шаг», разработав концепцию естественного права². Все эти авторы считают, что в периоды раздробленности в Китае складывалась множественность политических субъектов, которые были связаны общей культурой и руководствовались во внешних сношениях четкими правилами, имевшими обычно-правовой характер. Действительно, в Период Весен и Осеней (*Чуньцю*, 722–475 гг. до н. э.) княжества-гегемоны Ци, Цзинь, Чу, Цинь и Сун признавали сюзеренитет дома Чжоу, но обладали фактической независимостью, постоянно враждуя друг с другом и мелкими княжествами³. В Период Сражающихся царств (*Чжаньго*, 475–221 гг. до н. э.) дом Чжоу полностью утратил власть, а количество княжеств сократилось в 10 раз (со 170); семь правителей присвоили себе титул *вана* (царя) вместо титула *гуна* (князя). Этот период закончился объединением Китая под властью вана Цинь, принявшего титул *хуанди* (император). Похожие условия существовали в период Троецарствия (220–280 гг. н. э.) и период соперничества Сун, Ляо и Цзинь (907–1279 гг. н. э.).

У. Мартин обнаружил следующие свидетельства международного права в Период Весен и Осеней: регулярные политические и торговые отношения между государствами, обмен посольствами, заключение договоров, следование принципу политического равновесия, уважение прав нейтральных государств, существование специального класса дипломатов. Он также выделил следующие начала права войны:

с его становлением как суверенного государства, способного полностью утвердить свою новую международную субъектность и отменить неравноправные договоры. В этом великом нарративе Китай из жертвы превращается в создателя международного права; из аутсайдера в семье наций, колонизированного другими государствами, – в полноправного субъекта, не только вносящего вклад в создание международного права, но и защищающего высшую ценность суверенитета» (*Carrai M. A. Op. cit.*).

¹ Чакрабартти Д. Провинциализируя Европу / пер. П. Бавин, под ред. В. Морозова. М.: Гараж, 2021.

² Neff S. C. *Justice among Nations: A History of International Law*. Harvard: Harvard University Press, 2014. P. 7–8, 17.

³ «Анналы Весен и Осеней», приписываемые Конфуцию, упоминают 36 цареубийств, 52 случая ликвидации государств и 483 войны (*Yongjin Zhang. The idea of order in ancient Chinese political thought: a Wightian exploration // International Affairs*. 2014. Vol. 90. № 1. P. 172).

некомбатанты и нейтралы должны пользоваться уважением; перед битвой следует предупредить противника барабанным боем и дать ему время подготовиться; война может начинаться лишь при наличии уважительной причины, в том числе с целью сохранения равновесия; право крупных образований (вассалов трона) на существование является священным¹. Остановимся на этих манифестациях подробнее.

В Период Весен и Осеней было заключено более 140 договоров, оформлявших союзы или мирное урегулирование. Их сила определялась не только доброй волей сторон, но также специальными ритуалами и гарантиями. При их подписании закалывалось животное, кровью которого участники смазывали губы, и сжигался один из экземпляров (чтобы уведомить божественные силы). Гарантиями договоров выступали клятвы и обмен заложниками, часто сыновьями правителей. Договоры об учреждении союзов (*Meng*) содержали положения о совместных действиях против нарушителей, выдаче преступников, торговле, транспортном сообщении и культурных обменах. Ведущее государство союза (гегемон, *Va*) получало дань от других членов, определяло общую политику и рассматривало споры между остальными членами. Если стороной спора был сам гегемон, спор мог быть передан третьему государству. Члены союза проводили периодические встречи².

Договор между Чу и Цзинь 577 г. до н. э. гласил: «Чу и Цзинь не будут вести между собой войны, у них будут общие друзья и враги, они будут совместно сострадать правителям, находящимся в состоянии несчастья и опасности, и будут готовы оказать помощь тем, кто попал в несчастное положение. Цзинь нападет на всякого, кто нанесет ущерб Чу, и Чу нападет на всякого, кто нанесет ущерб Цзинь. Их дороги будут открыты для посланцев, желающих пройти по ним, с находящимися при них приношениями из одного (государства) в другое. Они будут принимать меры против всех, настроенных враждебно»³. Договор между северными княжествами и Чжэн 562 г. до н. э. обязал стороны не накапливать излишков зерна, не мешать друг другу получать доходы, не покрывать преступников, помогать друг другу в беде и подавлении мятежей, иметь одних союзников и врагов и поддерживать вана; нарушителю грозила кара духов гор и рек, божественных предков и небес⁴. Договоры об окончании войны заключались на конференциях. Так, известная конференция 546 г. положила конец войне, длившейся более 20 лет⁵.

Особым видом договоров были *хэцинь* (*heqin*, договоры Мира и Родства), заключаемые с кочевниками. Первый такой договор был заключен в 197 г. до н. э. с шаньюем Модэ (правителем Хунну). В рамках *хэцинь* китайцы поставляли хунну фиксированные объемы шелка, вина и зерна и отдавали шаньюю в жены принцессу; Китай и Хунну признавались равными государствами, а Великая стена – границей между ними. Политика хунну, со своей стороны, включала три элемента: жестокие нападения с целью устрашения, чередование войны и мира, отказ от оккупации территории⁶. Китай воспринимал договоры *хэцинь* как унижительные и в конце концов наладил оборону границ (I в. до н. э.).

Китайские княжества не содержали постоянных посольств, но регулярно обменивались миссиями *ad hoc*. Их формами были *chao* – визиты правителей; *hui* – встречи чиновников или знати из разных царств; *pin* – поездки для выяснения какого-либо вопроса; *shi* – поездки миссионеров; *shou* – совместные охотничьи походы. Послы не обладали неприкосновенностью, но посягательство на них могло стать *casus belli*. В 636 г. до н. э. князь Чэн задержал посла Чоу, после чего Чоу направило военную экс-

¹ Martin W. Traces of International Law in Ancient China: Condensed Outline of a Paper Read before the Congress of Orientalists in Berlin, 13 September 1881. Цит. по: Wang Tiewa. International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives // Collected Courses of The Hague Academy of International Law. Vol. 221. 1990. P. 209.

² Neff S. С. Op. cit. P. 18–19; Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 2: Период Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.). М.: Восточная лит., 2000. С. 371.

³ Баскин Ю. А., Фельдман Д. И. История международного права. М.: Междунар. отношения, 1990. С. 47–48.

⁴ Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 2. С. 373.

⁵ Wang Tiewa. Op. cit. P. 211. Г. Воррен называет эту конференцию «Первой Лигой Наций» (Warren G. G. The First League of Nations // New China Review. 1919. Vol. I. P. 356–367).

⁶ Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.). СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2009. С. 47–51.

педицию. В 582 г. до н. э. в княжестве Чин был убит князь Чэн, в 580 г. до н. э. задержан князь Лу, в 519 г. до н. э. задержан посол этого же княжества. В 589 г. до н. э. Цзинь напало на Ци из-за того, что его посол, который был горбат или хром, был громко осмеян женщиной во дворце Ци (позже выяснилось, что это была мать князя)¹.

Войны допускались лишь при наличии уважительной причины и подчинялись правилам рыцарской морали (*li*). Запрещалось нападать на некомбатантов, бежавшего или беспомощного противника, страну, недавно лишившуюся правителя, и т. д. В 638 г. до н. э. произошла битва между Сун и Чу. Когда чуские войска переправлялись через реку и их порядки были расстроены, сунский советник призвал своего правителя воспользоваться этим, но этот совет был отклонен как недостойный. Когда чуские войска переправились, но еще не построились в боевые порядки, совет был повторен, но вновь отклонен. В итоге сунцы потерпели поражение, а их правитель получил тяжелую рану. В Период Сражающихся царств войны стали более жестокими. Циньский полководец Бай Ци широко практиковал обезглавливание солдат противника, а во время битвы при Чанпине (260 г. до н. э.) приказал закопать заживо 400 тыс. солдат армии Чжао, сдавших в плен под условием сохранения их жизни; 240 самых молодых были отпущены, чтобы сообщить страшную весть сородичам².

Китайские авторы не определяют эпоху раздробленности как политический идеал: не только потому, что ее главной характеристикой были постоянные и жестокие войны, но и потому, что она несовместима с централизованным порядком, пришедшим ей на смену. Вместо этого они делают акцент на отдельных элементах международной системы, существовавших в данную эпоху, которые, по их мнению, демонстрируют зрелость китайской традиции по сравнению с европейской или даже ее превосходство. Так, по мнению Ван Тейи, хотя китайские княжества не были суверенными государствами, а применяемые ими правила не были систематизированы, в данном случае можно говорить «о квазимеждународном или рудиментарном международном праве» (наподобие греческого права, регулирующего отношения между полисами)³. В. Хуэй Тинбор считает, что в Период Весен и Осеней центральные государства (*zhongguo*) были «суверенными и территориальными, поскольку претендовали на окончательную власть над четко разграниченными пространствами»⁴.

По мнению Юнцзинь Чжана, в Древнем Китае использовались конституционные принципы и практики, свойственные европейской системе; они, однако, были иначе концептуализированы. В отличие от греческой системы полисов, выросшей из варварства, китайская система возникла в самом сердце китайской цивилизации. Она опиралась на некое *jus gentium*, включавшее идеи суверенитета, дипломатии и баланса сил, а также ритуалы. Хотя понятие *суверенитета* отсутствовало, китайские царства имели исключительное право объявлять войну друг другу, обменивались территориями, предоставляли убежище и выдавали преступников. Дипломатические практики были разнообразными и регулярными. Идея *баланса сил* иллюстрируется понятиями *Wa* (гегемон), *Meng* (союз), *Hui* (конференция) и стратегиями *hezong* и *uanjiao jingong*, которых придерживалось Цинь. Первая предполагает заключение сепаратных союзов с участниками вертикального союза *lianheng*; вторая – заключение союзов с отдаленными государствами и нападение на близлежащие. Ритуалы (*li*), т. е. моральные правила, основанные на вере в иерархический порядок, определяли авторитет и легитимность правителя; их нарушение могло спровоцировать войну⁵.

Основная проблема данной оценки – ее избирательность. Хотя китайские авторы хорошо видят недостатки древнекитайской системы и противоречие между реальностью и гуманными идеями Конфуция, они проводят неверные параллели между этой системой и системой греческих полисов. Действительно, в отличие от китайских княжеств, стремившихся уничтожить и поглотить друг друга, греческие полисы обротовывали *устойчивый союз*, способный не только к мирному сосуществованию, но

¹ Wang Tiejia. Op. cit. P. 210; Neff S. C. Op. cit. P. 20; Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 2. С. 109–113.

² Фицджеральд Ч. П. История Китая. М.: Центрполиграф, 2004. С. 60; Neff S. C. Op. cit. P. 20–21; Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 2. С. 369; Т. 3: Период Чжаньго (V–III вв. до н. э.). М., 2006. С. 65–67, 37.

³ Wang Tiejia. Op. cit. P. 213.

⁴ Tin-bor Hui V. Toward a Confucian Multicultural Approach to a Liberal World Order: Insights from Historical East Asia // Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law). 2005. Vol. 99. P. 413–416.

⁵ Yongjin Zhang. System, empire and state in Chinese international relations // Review of International Studies. 2001. Vol. 27. P. 43–63.

и к внешней экспансии, и использовали для разрешения разногласий нормы и институты, *очищенные от религиозного контекста*. Первенство греческой цивилизации в этом отношении бесспорно, как и генетическая связь между выработанными ею институтами и институтами современного международного права.

Трибутарная система

В 221 г. до н. э. Китай был объединен династией Цинь; важную роль в этом сыграли жестокие методы легизма¹ и конфуцианская ностальгия по единому государству. Основой его отношений с соседями стала *трибутарная система*, которая начала складываться при династии Хань (следующей после Цинь), укрепилась при династии Тан (618–907 гг. н. э.), пережила расцвет при династии Мин (1368–1644), была воспринята династией Цин (1644–1911) и прекратила существование в 1911 г. (последняя дань была послана в Китай Непалом в 1908 г.).

Эта система предполагала выплату соседними народами дани, в обмен на которую Китай признавал их автономию, принимал их под свою опеку и предоставлял им право на торговлю. Автономия выражалась в следующих процедурах: 1) вассальный правитель получал императорский патент, подтверждавший его статус данника, и печать для использования в общении; 2) ему присваивался китайский дворянский титул (*Cefeng*); 3) в ряде случаев он должен был направлять императору поздравления и другие послания, датируя их по китайскому календарю; 4) во время приема он должен был выполнять определенные церемонии, в частности *kowtow* (троекратное коленопреклонение и девятикратное prostиrание); 5) он должен был уплачивать символическую дань из местных продуктов, получая взамен подарки и право на торговлю (*Hushi*).

Идеологической основой трибутарной системы выступала концепция Тянься (*Tianxia*, «все под Небесами»). В соответствии с ней миропорядок состоит из Китая как Срединного царства (*zhongguo*) и периферии, населенной варварами. По мере расширения контактов варвары постепенно ассимилируются и добровольно примыкают к китайскому миру (отсюда выделение двух их категорий: внутренних и внешних). Император выступает в двух ипостасях: как правитель Срединного царства с титулом *Хуанди* (*Huang Di*, император) и как представитель Вселенной с титулом *Тяньцзы* (*Tian Zi*, Сын Неба). Он обладает Мандатом Неба (*Tianming*), возлагающим на него миссию обеспечения социальной и космической гармонии. Эта миссия реализуется при помощи добродетельного примера, институтов и ритуалов, а при необходимости – при помощи силы. Если император не справляется с ней, Мандат переходит к другому; этим объясняется смена династий².

В своей классической работе Дж. Фэрбэнк и С. Тенг выделяют следующие черты трибутарной системы: она была естественным следствием культурного превосходства ранних китайцев; использовалась правителями Китая в целях самообороны; имела важную торговую составляющую; служила инструментом международных отношений и дипломатии. Контактируя с кочевниками севера и запада, а также с аборигенами юга, китайцы сформулировали ряд предположений. Во-первых, их превосходство над варварами имело культурную, а не политическую природу; оно опиралось не столько на силу, сколько на китайский образ жизни, воплощенный в таких вещах, как конфуцианство и китайская письменность. Признаком варвара была не раса, а неприязненность этому образу жизни. Во-вторых, те варвары, которые желали «прийти и преобразиться» (*lai-hua*) и таким образом приобщиться к благам китайской цивилизации, должны были признать верховное положение императора, который в своих жертвоприношениях силам природы представлял все человечество³.

¹ Легист Ли Си, помогший Шихуанди объединить страну, заявил: «Цинь побеждали на протяжении четырех поколений... В пределах четырех морей их власть внушает благоговение принцам. Они не достигают этого гуманностью и праведностью. Они делают это, ведя свои дела так, как наиболее полезно и целесообразно». Цит. по: *Yongjin Zhang. The idea of order in ancient Chinese political thought: a Wightian exploration*. P. 182. Здесь заметно некоторое сходство с Мелосским диалогом.

² *Непомнин О. Е. Внешнеполитическая доктрина традиционного Китая // Восточный курьер. 2021. Вып. 3–4. С. 69–84.*

³ *Fairbank J. K., Têng S. Y. On the Ch'ing Tributary System // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1941. Vol. 6. № 2. P. 137–139.*

Китайцы считали, что трибутарная система охватывает Корею, Люцю (острова между Китаем и Японией), Аннам (север Вьетнама), Сиам, Лаос, Бирму, Японию и др. (все-го – около ста данников). Более того, они были склонны использовать ее как рамки для отношений со всеми народами, в том числе европейскими¹. Некитайские образования делились на государства, принявшие конфуцианскую культуру (Япония, Корея, Вьетнам), и кочевые племена (хунну, монголы и др.), а также на внешних (*Wai Fan*) и внутренних данников (*Nei Fan*). Первые сохраняли независимость; вторые – контролировались при помощи специальных чиновников и входили в состав империи². Участники системы взаимодействовали с Китаем в разных формах, в зависимости от их культурно-исторических связей и торговых интересов; интенсивность этих контактов варьировалась, при этом они не взаимодействовали друг с другом (исключение – контакты между Кореей и Японией)³.

После революции концепция Тянься использовалась с разными целями: чтобы противопоставить Китай и его политические практики Западу, высказать сожаление по поводу крушения *Pax Sinica* и надежду на его возрождение. Так, в 1924 г. основатель Гоминьдана Сунь Ятсен заявил: «В течение более чем тысячи лет Китай был самой могущественной державой в мире... Все слабые народы и государства уважали Китай как высшую страну. Они платили дань Китаю и хотели быть признаны как вассалы... Китай мог „влиять“ на них исключительно силой своего справедливого правления. Они были впечатлены и убеждены его добродетелью и либо просили его принять дань, либо посещали его с этой целью»⁴. Его преемник Чан Кайши писал: «Наша китайская нация (*zhonghua minzu*) была образована путем смешения многочисленных кланов. Эти кланы изначально были ветвями одной расы, распространившейся на восток от Памирского плато... Но движущей силой этого смешения была ассимиляция, а не завоевание. На территории Китая обычаи каждого клана и образ жизни в каждой местности были разными. Тем не менее обычаи каждого клана были объединены, чтобы сформировать национальную культуру Китая, и сочетание образов жизни в каждой местности сделало возможным существование китайской нации. Этот выдающийся факт истории Китая основан на его географии, экономической структуре, требованиях национальной обороны и общей исторической судьбе (*mingyun*) и не является лишь результатом политической необходимости»⁵. В настоящее время похожая риторика используется Си Цзиньпином: «Какие бы минцзы (*minzu*) не переезжали на Центральную равнину, все они рассматривали объединение Тянься как свой долг, и все они считали себя ортодоксами (*zhengtong*) китайской культуры... Реализуя китайскую мечту, мы должны опираться на силу народа каждого минцзы»⁶.

Современные авторы, переживающие «лихорадку национальных исследований» (*guoxuere*), переосмысливают идею Тянься⁷. Признавая иерархичность основанного на ней порядка, они подчеркивают его добровольность, инклюзивность и взаимовыгодность. По их мнению, превосходство Китая определялось культурными, а не военными факторами; Китай не стремился завоевать подчиненные территории и не вмешивался в их внутренние дела. Он не дискриминировал варваров, но удовлетворял их нужды и порой выступал как равный партнер⁸. Трибутарная система – «одна из

¹ «Широко кругом простирается небо вдали, но нету под небом ни пяди нецарской земли. На всем берегу, что кругом омывает моря, повсюду на этой земле только слуги царя!» (Шицзин. Книга песен и гимнов. М.: Худ. лит., 1987. С. 185).

² Wang Tiewa. Op. cit. P. 214–225; Wang Chenyu. The Status of Tibet in International Law – From the 1840s to the 1950s. Utrecht: Utrecht University Repository, 2021. P. 15–42; Стеженская Л. В. Эволюция понятия «мандат Неба» (тяньмин) с древности до наших дней: о добродетели и судьбе // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 8. С. 16–19.

³ Yongjin Zhang. System, empire and state in Chinese international relations. P. 53.

⁴ Цит. по: Shin Kawashima. China as «Empire»: Perceptions of the Tributary System and the Boundaries of China in the Twentieth Century. Tokyo: The Japan Institute of International Affairs, 2022. P. 6–7.

⁵ Chiang Kai-shek. China's Destiny. N. Y.: Roy Publishers, 1947. P. 30, 35.

⁶ Цит. по: Millward J. A. Sinicisation, the Tribute System and Dynasties: Three Concepts to Justify Colonialism and Attack non-Sinitic Diversity in the People's Republic of China // IAI Papers 23 | 17 – July 2023. P. 3.

⁷ Codehardt N. No End of History. A Chinese Alternative Concept of International Order? SWP Research Paper. Berlin, 2016.

⁸ Примеры: договоры *heqin*, договоры Северной Сун с Ляо (киданями), признававшие низший статус Сун (1005, 1042), равные отношения между династией Мин и некоторыми центральноазиатскими монар-

величайших институциональных инноваций и достижений традиционного Китая»¹; она «не просто отражает гегемонистские институциональные предпочтения, но представляет собой коллективное решение, изобретенное и согласованное между восточноазиатскими государствами для решения вечной проблемы межгосударственного конфликта, сосуществования и сотрудничества»². Она не была ни сообществом суверенов, ни единой империей и поэтому не может быть описана при помощи западных концепций.

Юнцзинь Чжан подчеркивает оригинальность трибутарной системы, используя тезис К. Реуса-Смита, согласно которому международные порядки формируются под влиянием базовых конституционных структур, основанных на вере в определенное моральное предназначение государства, организующем принципе суверенитета и нормах процедурной справедливости. Эти структуры вдохновляют институциональных архитекторов³. Конфуцианство и трибутарная система предполагают, что все сообщества, от семьи до империи, должны содействовать космической и социальной гармонии; их иерархия выстраивается в зависимости от их вклада в решение этой задачи, именно поэтому Китай занимает в ней высшее место. Эти сообщества, тем не менее, сохраняют автономию и обладают полномочиями в международных вопросах; Китай выступает скорее как гегемон, чем как сюзерен. Процедурная справедливость в этой системе поддерживается на основе сложных ритуалов (*li*), закрепляющих стандарт цивилизации и обеспечивающих участие в порядке. Для сравнения: целью порядка в Древней Греции было развитие *bios politikos*; организующим принципом – демократия; процедурная справедливость носила дискурсивный характер; а главным международным институтом был арбитраж. Целью западного порядка является раскрытие потенциала индивида; организующим принципом – либеральный суверенитет; справедливость законодательная; а главным институтом выступает «договорной мультилатерализм». Крах *Pax Sinica* сопровождался упадком веры в его цель и произошел в результате столкновения с европейским порядком⁴.

Чжао Тинян не просто реабилитирует Тянься, но и рассматривает ее как возможную основу будущего мироустройства. По его мнению, порядок не может быть обеспечен в условиях глобализации и эгоизма, заложенного в идее суверенитета. Мир – заброшен и неорганизован; главная причина – отсутствие общей философии. Такая философия может быть создана на основе идеи Тянься, включающей следующие элементы: 1) монархическое правление; 2) открытая сеть, состоящая из мирового правительства и подчиненных государств; 3) забота мирового правительства об общем благе и справедливости, возможность революции в случае, если оно не справляется с этими обязанностями; 4) независимость государств во всех сферах, за исключением легитимности (они должны быть признаны мировым правительством) и обязательств (они должны вносить вклад в общее дело); 5) институциональный баланс (мировое правительство управляет территорией, в несколько раз большей, чем любое из государств); 6) свобода миграции. Тянься включает три уровня: физический, психологический (соглашение в сердцах людей) и социальный. Эти уровни должны совпадать: социальное не может отделяться от физического и наоборот: *быть* – значит делать что-то полезное; истина может быть постигнута только в контексте отношений. Политическая система должна быть инклюзивной; мировое правительство должно обладать высшим статусом. Современные международные организации не являются мировым правительством, так как они обслуживают государства. Понятие «интернацио-

нами и, наконец, маньчжурское происхождение династии Цин (*Yongjin Zhang. System, empire and state in Chinese international relations. P. 54*). «Внутри империи миф о мировом сюзеренитете был полезным идеологическим инструментом для управления Китаем... Но во внешних делах он часто оказывался помехой. Тогда втихомолку император практиковал то, что ему нравилось, а не то, что он проповедовал. Равноправные отношения с Гератом, Лхасой, Кокандом и Москвой не были исключениями из китайской практики. Они были обычным делом на невидимой стороне устоявшейся традиции» (*Fletcher J. F. China and Central Asia, 1368–1884 // Chinese World Order / ed. by J. K. Fairbank. Harvard: Harvard University Press, 1968. P. 224*).

¹ *Yongjin Zhang. System, empire and state in Chinese international relations. P. 52*.

² *Yongjin Zhang, Buzan B. The Tributary System as International Society in Theory and Practice // Chinese Journal of International Politics. 2012. Vol. 5. P. 34*.

³ *Reus-Smit Ch. Moral Purpose of the State. Princeton: Princeton University Press, 1999*.

⁴ *Yongjin Zhang. System, empire and state in Chinese international relations. P. 56–58*.

нальность» должно быть заменено понятием «мировость» (*worldness*). Демократия неэффективна, так как она не действует одинаково на всех уровнях (внутренняя демократия может усиливать империализм). Китайская философия, наоборот, стремится действовать на всех уровнях – от мира до отдельных государств и семей, создавая «политический континуум»; порядок в больших сообществах – необходимая гарантия порядка в меньших. Политика должна быть этичной; этика же берет начало в базовых формах жизни – прежде всего в семье. Следовательно, семья должна быть этическим архетипом, продвигаемым на всех уровнях. Западная концепция общества, состоящего из обособленных индивидов, способствует саморазрушению. Порядок должен представлять собой гармонию, т. е. взаимодействие разных вещей с целью самосовершенствования (в этом смысле он напоминает суп). Ничто не существует само по себе; существование определяется сосуществованием. Основным принципом в связи с этим должен быть не принцип «живи и дай жить другим», а принцип «живи, если ты даешь жить другим». Гармония важнее честности; люди хотят не только честной, но и лучшей игры. Современный порядок несовершенен: он – агора без полиса (мирового института). Создание такого института – главная задача современности¹.

Апологетом трибутарной системы является также Чжао Суйшэн, который предлагает восстановить региональную иерархию с тем, чтобы обеспечить справедливость в несправедливом мире и гарантировать безопасность Китая².

Идеализированный образ трибутарной системы уязвим.

Во-первых, политика Китая не была столь миролюбивой. В период между началом правления Мин (1368) и Опиумными войнами (1841) Китай вторгнулся во Вьетнам (1407–1428, 1788–1789), в Корею (1636), на Тайвань (1683) и в Бирму (1765–1769). Кроме того, он вел длительную борьбу с джунгарами (ойратами), заключившими союз с тибетской Гелугпой, в ходе которой он захватил Монголию, Синьцзян и Тибет³. Китайская историография склонна определять многие войны как рейды против пиратов и мятежников, камуфлируя таким образом насильственный характер экспансии. Трибутарная система, однако, скорее напоминала западный колониализм, чем была его альтернативой (в обоих случаях делался акцент на цивилизаторской миссии)⁴.

Во-вторых, восприятие существовавшего в Азии порядка как синоцентричного и устойчивого не разделялось многими народами, которых Китай записывал в члены трибутарной системы. Как уже отмечалось, даже сам Китай не был последовательным в этом плане: Мин поддерживала равноправные отношения с Тимуридами, а Цин – с Кокандом. Главный же элемент системы – уплата дани – по сути, представлял собой обмен подарками, свойственный всем традиционным обществам.

В-третьих, проецирование концепции Тянься на современность подрывает многие признанные политические ценности, прежде всего самоопределения и равноправия народов (как политического, так и культурного). Любое устойчивое сообщество возможно только при условии *гомогенизации культуры*; опыт Китая в этом отношении едва ли может считаться образцом.

По мнению П. Пердью, вместо трибутарной системы существовали разнообразные отношения торговли, противостояния, дипломатии и ритуала. Высокомерное отношение к окружающим наиболее четко проявилось в период высокой Цин, после победы над джунгарами (XVIII в.). Однако соседи Китая не разделяли его видение иерархии, а интерпретировали отношения с ним по-своему. Император Канси, прося

¹ Zhao Tingyang. All under Heaven: The Tianxia system for a possible world order / transl. by J. E. Harroff. Oakland: University of California Press, 2021; *Idem*. A Political World Philosophy in terms of All-under-heaven (Tian-xia) // Diogenes. 2009. Vol. 56. № 1. P. 5–18.

² Zhao Suisheng. Rethinking the Chinese World Order: the imperial cycle and the rise of China // Journal of Contemporary China. 2015. Vol. 24. № 96. P. 961–982.

³ Millward J. A. Op. cit. «Концепции китаизации, трибутарной системы и рекурсивных китайских династий, которые обычно считаются традиционными и характерными для Китая, на самом деле являются конструктами XX века, придуманными для реализации синоцентричного гомогенизирующего национального проекта, который ошибочно рассматривает разнообразие КНР как проблему, подлежащую устранению, а не как богатый культурный ресурс» (P. 14).

⁴ Дж. Миллвуд определяет способ устройства и расширения государства Цин как «старый империализм», который характерен для континентальных империй Евразии и отличается от европейского и японского «экономического империализма». Цит. по: Санин К. А. Китайская империя или прообраз ответственной глобальной державы: дискуссии о Цин в КНР и на Западе // Восток (Oriens). 2021. № 4. С. 190.

монголов о поддержке, обычно ссылаясь на общее наследие маньчжуров и монголов или апеллировал к буддийским концепциям всеобщей любви. Он знал, что эти призывы более убедительны, чем призывы к его статусу Сына Неба. Он также поддерживал монголов, подчинявшихся Цин: его чиновники предоставляли им запасы зерна, скот, титулы и разрешали их споры. Монголы, со своей стороны, интерпретировали эту поддержку как «милость» (*kesi*), а многие из них, особенно монахи, считали императора воплощением Будды. В число данников записывались разные народы: одни из них получали должности в иерархии Цин; другие были случайными посетителями; третьи (например, поляки) никогда не посещали Цин. И далее: «Мы могли бы интерпретировать значение термина *gong* гораздо точнее, если бы рассматривали „дань“ как своего рода пиджин: межкультурный инструмент общения посредством слов, предметов и человеческих отношений. Подобно пиджину южнокитайского побережья или многим межкультурным торговым языкам Центральной Евразии, включая согдийский, персидский и монгольский, терминология и практики *gong* адаптировались к местным ситуациям, чтобы облегчить торговлю и дипломатию. Использование этого языка никоим образом не подразумевало уникальное превосходство Китая или определенное понимание отношений между императором и Небесами. Каким бы „космологическим бахвальством“ ни занимались император и его советники, его контрагенты придавали этому собственное значение»¹.

Встреча Китая и Запада

Первыми европейцами, посетившими Китай, были миссионеры, деятельность которых к XVI в. приобрела регулярный характер. Они не только распространяли христианство, но и знакомили Китай с европейскими науками: математикой, географией, астрономией и др. Так, в 1602 г. иезуит Маттео Риччи (1552–1610) подготовил первую китайскую карту мира (*Kūnyú Wànguó Quántú*). Стремясь интегрироваться в китайское общество, он носил наряд буддистского монаха, а затем – конфуцианского ученого. В некоторых случаях миссионеры оказывали властям услуги переводчиков, например при заключении Нерчинского договора между Китаем и Россией (1689).

В XVII–XVIII вв. разгорелся спор о совместимости китайских обрядов с католической верой. Иезуиты считали эти обряды светскими и нейтральными и настаивали на адаптации католицизма к местной среде (использовании китайского во время литургии и др.). Следуя примеру Риччи, они изучали китайскую классику и китайский язык. Доминиканцы и францисканцы, наоборот, осуждали эти обряды как еретические. В 1704 г. Климент XI поддержал вторых (декрет *Cum Deus optimus*), а в 1715 г. издал буллу *Ex illa die*, в которой запретил обращенным китайцам использовать термины *Tiān* (небеса) и *Shàngdì* (Небесный владыка) для обозначения Бога и поклоняться Конфуцию и предкам, и уполномочил своего легата определять совместимость китайских обычаев с католической верой. Эти решения вызвали гнев Канси, который в 1721 г. запретил все христианские миссии². В 1742 г. Бенедикт XIV подтвердил решение Климента XI (данный запрет был отменен Римом лишь в 1939 г.)³.

Другой областью контактов была торговля. Китайский шелк, чай и фарфор пользовались большим спросом на Западе; европейские купцы были вынуждены расплачиваться за них серебром и золотом, не имея в своем распоряжении товаров, представляющих интерес для Китая. В 1685 г. династия Цин открыла для иностранцев ряд портов, а в 1704 г. ввела систему *Baoshang*, в рамках которой торговать с иностранцами могли только купцы, имевшие лицензию и обязанные помогать властям собирать пошлины. В 1745 г. император Цяньлун приказал, чтобы китайские купцы несли полную ответственность за иностранные суда, входящие в Кантон, и гаран-

¹ *Perdue P. C. The Tenacious Tributary System // Journal of Contemporary China. 2015. Vol. 24. № 96. P. 1002, 1007, 1009.*

² В своем декрете Канси заявил следующее по поводу буллы Климента XI: «Читая это воззвание, я пришел к выводу, что западные люди действительно мелочны... Нет ни одного западного человека, разбирающегося в китайских работах, и их замечания часто невероятны и смешны. Судя по этому возванию, их религия ничем не отличается от других мелких и фанатичных буддистских или даосских сект. Я никогда не видел документа, который содержал бы столько чепухи. Отныне западным людям не следует позволять проповедовать в Китае, чтобы избежать дальнейших проблем» (*Dun Jen Li. China in Transition, 1517–1911. N. Y.: Van Nostrand Reinhold, 1969. P. 22*).

³ Подробно см.: *Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М.: Восточная лит. РАН, 2002.*

тировали уплату всех пошлин; эти функции стало выполнять объединение *Cohong*. В 1757 г. Китай ввел *Кантонскую систему*, согласно которой торговля с Западом должна была вестись только через порт Кантон; севернее могли торговать лишь русские на основании Нерчинского договора. Этот запрет часто нарушался, как и запрет на военные действия в китайских водах (так, в 1812 г. британцы атаковали американские корабли в гавани Кантона).

Третьей областью контактов была дипломатия. Первым международным договором династии Цин стал Нерчинский договор 1689 г., по которому Россия отказалась от территорий к северу от Амура, но получила право торговать с Китаем. Два члена китайской делегации, иезуиты Перейра и Жербийон, подготовили официальный текст Договора на латыни. По мнению Ван Тейи, император Канси вступил в отношения с Россией, чтобы обезопасить границу от нападения; при этом он пошел на уступки, отказавшись от традиционного отношения к русским как к данникам и пойдя на заключение равноправного договора. Это, однако, не значит, что он отказался от концепции Тянься: у него не было намерения устанавливать Договор в качестве прецедента для будущих сношений¹. В российской науке Договор оценивается неоднозначно².

В 1792–1794 гг. Пекин посетило первое посольство из Европы – британская миссия во главе с Дж. Макартни. Ее целями было установление дипломатических отношений, заключение торгового договора, открытие портов и ликвидация монополии *Cohong*. Китайские чиновники полагали, что Британия хочет стать членом трибутарной системы и ожидали от Макартни выполнения *kowtow*, но посол отказался и опустил перед Цяньлуном на одно колено, как перед британским монархом³. По итогам встречи Цяньлун передал Георгу III послание: «Ты, о король, живешь за пределами многих морей; тем не менее, движимый смиренным желанием способствовать благу нашей цивилизации, ты направил миссию со своим верноподданническим посланием... Управляя всем миром, я преследую одну цель, а именно: сохранить благое правление и выполнить долг перед Государством. Чужие и дорогостоящие цели меня не интересуют. Если я распорядился принять посланные тобой подарки, о король, то сделал это лишь потому, что они присланы издалека. Царственная добродетель нашей Династии проникла во все страны Поднебесной, и цари всех народов шлют нам свои дары по суше и по морю. У нас есть все, и это может свидетельствовать твой посол. Я не придаю особого значения вещам экзотическим или примитивным, и в товарах твоей страны мы не нуждаемся»⁴.

Таким образом, во всех трех сферах отношений накапливалось напряжение, которое в середине XIX в. переросло в открытый конфликт. В этот период Китай вступил в период упадка. Конфуцианство способствовало консервации государственного строя, чиновники погрязли в коррупции, аграрная экономика не обеспечивала потребностей населения. В то же время на Западе распространилась идея свободной торговли и усилился спрос на китайский чай. В конце XVIII в. был найден товар, в котором были заинтересованы китайцы, – бенгальский опиум, употребление которого быстро стало повсеместным⁵. *Первая опиумная война* (1840–1842) началась из-за того, что власти попытались пресечь торговлю опиумом. В ответ английские войска вторглись в Китай и взяли ряд городов. По Нанкинскому договору 1842 г. Китай согласился выплатить контрибуцию, открыть четыре порта, отменить Кантонскую систему, признать юрисдикцию английских консулов, передать англичанам Гонконг и ограни-

¹ Wang Tieya. Op. cit. P. 227.

² «Переговоры велись перед лицом армии богдыхана, готовой в любой момент поддержать оружием требования пекинского правительства. В результате русскому посольству Ф. А. Головина пришлось пойти на значительные территориальные уступки и по Нерчинскому договору 1689 г. отказаться от земель, расположенных по левому берегу Амура. Русский город на Амуре Албазин был срыт. Вместе с тем Нерчинский договор, на базе которого строились русско-китайские отношения до середины XIX в., открыл широкие возможности для развития торговли между Россией и Китаем» (История дипломатии / под ред. В. А. Зорина и др. Т. 1. М.: ГИПЛ, 1959. С. 298).

³ По мнению Юнцзинь Чжана, данный отказ и данная просьба «равносильны первому европейскому нападению на основные институты китайского мирового порядка» (*Yongjin Zhang. System, empire and state in Chinese international relations*. P. 59).

⁴ Тойнби А. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2010. С. 89.

⁵ Петров Г. Ю. Опиумные войны и легализация наркопотребления в Китае нового времени // Историко-экономические исследования. 2008. № 9 (2). С. 140–150.

чить пошлины пятью процентами. В силу условия о наибольшем благоприятствовании условия Договора были распространены на другие государства. Война ознаменовала начало «века унижения» Китая (*bainianguochi*, 1839–1949).

В ходе Второй войны (1856–1860), начавшейся из-за нарушений Нанкинского договора, английские и французские войска взяли Кантон и Пекин. По Тяньцзиньским трактатам 1858 г., заключенным с Великобританией, Францией, США и Россией, и Пекинским договорам 1860 г., заключенным с Великобританией и Францией¹, Китай согласился открыть еще ряд портов, уступить англичанам ряд территорий, легализовать торговлю опиумом, запретить торговые монополии, разрешить деятельность миссионеров, открыть для иностранных посольств Пекин, который до этого был закрытым городом, предоставить консулам уголовную юрисдикцию в отношении иностранцев, выплатить контрибуцию, не использовать в официальных бумагах иероглиф 夷 (варвар) и разрешить вывоз кули (чернорабочих)². По условиям Договора был создан специальный орган внешних сношений, Цзунли Ямэнь (*Zōnglǐ Yámen*), дополнивший Министерство обрядов (*Libu*) и Лифань Юань (*Lifan Yuan*, ведомство, занимавшееся делами Центральной Азии, Тибета и России).

Во время Опиумных войн Россия заключила с Китаем Айгунский договор (1858) и Пекинский договор (1860), установившие границу по Амуру и Уссури; Россия, таким образом, приобрела Приморье. Данные договоры были заключены благодаря усилиям генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева и российского дипломата Н. П. Игнатьева, пообещавшего китайским властям убедить англичан и французов вывести войска из Китая. На переговорах союзников с китайцами Игнатьев выступил посредником. Российская доктрина оценивает эти договоры положительно³; китайская – считает их неравноправными, не выдвигая, однако, прямых претензий на уступленные территории.

Опиумные войны стали стимулом к изучению Китаем Запада и международного права (политика *kaiyankanshijie* – «открыть глаза, чтобы увидеть мир» – и политика *zhongtixiyong* – «освоение западных наук на основе китайской культуры»). В 1839 г., когда сановник Линь Цзэсюй был направлен в Гуанчжоу для изучения ситуации с торговлей опиумом, американский врач-миссионер П. Паркер и переводчик Юань Дэхуэй перевели для него отрывки из «Права народов» Э. де Ваттеля⁴. Этот перевод был включен в труд Вэй Юаня «Атлас и описание стран за морями» (1847). В 1860-х гг. Р. Харт, работавший на таможне, перевел для министра иностранных дел часть «Элементов международного права» Г. Уитона. В 1864 г. эту работу завершил американский миссионер У. Мартин⁵. Позднее на китайский были переведены книги Т. Вусли, И. К. Блюнчли, Г. Ф. Мартенса и У. Э. Холла.

¹ Российская наука рассматривает Пекинский договор между Китаем и Россией от 15 ноября 1860 г. как отдельный от договоров, заключенных с Великобританией и Францией 24 октября и 25 октября соответственно; западная – как элемент собирательного «Пекинского договора».

² Непомнин О. Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Восточная лит., 2005. С. 389–393.

³ «Несмотря на реакционность политики царизма и цинского правительства, заключение Пекинского договора содействовало упрочению русско-китайских отношений, Россия не вела войн с Китаем и не ввозила в Китай опиума. Присоединение к России Приамурья, Уссурийского края шло за счет земель, не заселенных китайцами и фактически не связанных с Китаем, и создавало прочный стратегический оплот для владений России на Тихом океане. Казахские и киргизские земли в Средней Азии, отходившие по Пекинскому договору к России, находились за пределами постоянных китайских караулов. Включение всех этих земель в состав России имело объективно прогрессивные последствия. Население этих областей смогло в дальнейшем соединить свою судьбу с развитием русского революционного движения» (История дипломатии. С. 792).

⁴ Письмо Линь Цзэсюя королеве Виктории свидетельствует о его знакомстве с международным правом: «Я слышал, что курение опиума строго запрещено в вашей стране; это потому, что вред, причиняемый опиумом, ясно осознается. Раз уж нельзя причинять вред своей стране, то тем более нельзя допускать, чтобы он распространялся во вред другим странам – тем более китайцам... Если человек из другой страны приезжает в Англию торговать, он должен подчиняться английским законам, в какой же степени он должен подчиняться в Китае законам Поднебесной?.. Варварские купцы вашей страны, если они хотят вести дела в течение длительного времени, должны почтительно подчиняться нашим законам и навсегда прекратить поставки опиума». Данное письмо не возымело эффекта. Цит. по: Wang Tieya. Op. cit. P. 229–230.

⁵ Вклад У. Мартина оценивается китайской доктриной неоднозначно. С одной стороны, в работе «Traces of International Law in Ancient China» (1881) он признал, что Китай был знаком с международным правом;

В деле о задержании датских судов Китай успешно использовал международно-правовые аргументы. В апреле 1864 г. прусский посол фон Рехфус, прибыв в порт Дагу (Тяньцзинь) на борту военного корабля «Антилопа», обнаружил там три датских торговых судна. Пруссия и Дания находились в состоянии войны, и пруссаки захватили датские суда. После этого китайские власти напомнили послу о своем суверенитете над заливом Бохайвань, сославшись на отрывок из книги Г. Уитона. В итоге Пруссия освободила два судна и выплатила 1,5 тыс. долл. в качестве компенсации за третье¹.

В 1868–1889 гг. Япония провела реформы (Реставрация Мэйдзи). Одним из ее приоритетов стал контроль над Кореей («ножом, направленным в сердце Японии»), где она столкнулась с Китаем, считавшим Корею своим вассалом. В 1884 г. в Корее произошел переворот, который был подавлен китайским гарнизоном, что привело к гибели 40 японцев. По Тяньцзиньскому договору 1885 г. Япония и Китай согласились вывести свои силы из Кореи, которая, таким образом, оказалась под двойным протекторатом. В 1894 г. Китай направил в Корею войска для подавления восстания; в ответ Япония направила большие силы, потребовала проведения в Корее реформ и организовала переворот. Новое правительство попросило у Японии защиты от китайцев. В последующем конфликте Япония одержала победу в Корее и вторглась в Китай. По Симонсекскому договору 1895 г. Китай согласился передать ей Формозу (Тайвань) и выплатить контрибуцию. Договор вызвал в Китае сильнейший шок и стал прологом к его последующему разделу западными державами и Россией. Россия арендовала у Китая Ляодунский полуостров (1898), Германия – Шаньдун (Циндао), Франция – Гуанчжоувань, Великобритания – Вэйхайвэй и др.

Во второй половине XIX в. Китай пережил несколько восстаний (тайпинов в 1850–1864 гг. и ихэтуаней в 1899–1901 гг.) и предпринял несколько попыток модернизации, не давших результата. Его суверенитет все более ущемлялся в пользу западных держав, а также России и Японии, в 1904–1905 гг. воевавших друг с другом на его территории. Трибунарная система постепенно распадавалась: Британия захватила Бирму, Франция – Вьетнам, Сиам (который сам перестал платить дань после восстания тайпинов) – Лаос, Япония – Корею и т. д. Одновременно происходила деградация имперских институтов: престиж династии в глазах народа, чиновников и военных падал; вдовствующая императрица Цыси, занятая борьбой за власть, не могла исправить ситуацию. В 1911 г. Учанское восстание, начатое солдатами, переросло в Синьхайскую революцию; династия Цин была свергнута, и власть перешла к правительству во главе с генералом Юань Шикаем. Монголия и Тибет объявили о независимости. После смерти Юань в 1916 г. страна была разделена между несколькими группировками.

Опиумные войны и связанные с ними события стали точкой отсчета для современной китайской истории. Отношение к ним – сложное и неоднозначное. С одной стороны, они продемонстрировали несостоятельность имперского порядка, не удовлетворявшего самих китайцев; с другой стороны, они были актом насилия по отношению к древней культуре. С одной стороны, они причинили китайскому народу огромные страдания; с другой стороны, они способствовали развитию его политического сознания и приходу к власти КПК². С одной стороны, они сопровождались инструментальным применением международного права; с другой стороны, Китай познакомился с международным правом и впоследствии смог успешно применять его на

с другой стороны, он стремился к «открытию внутренних сокровищ» Китая и принятию им «международного кодекса христианского мира». См.: *Wang Tieya*. Op. cit. P. 206–207. Интересно, что в своем переводе Уитона Мартин исключил ту часть, в которой утверждалось, что европейское международное право отошло от традиций естественного права XVII в.; таким образом он попытался скрыть его позитивный характер и представить *Wanguo Gongfa* (публичное право наций) как почти божественное право. См.: *Xiaoshi Zhang*. Rethinking International Legal Narrative Concerning Nineteenth Century China: Seeking China's Intellectual Connection to International Law // *Chinese Journal of Global Governance*. 2018. № 4. P. 13.

¹ *Wang Tieya*. Op. cit. P. 232–234; *Zhipeng He, Lu Sun*. A Chinese Theory of International Law. Singapore: Springer, 2020. P. 105.

² На встрече с социалистами Японии в 1964 г. Мао Цзэдун заявил: «Мы должны быть вам благодарны, поскольку если бы японцы не обрушили свои крупномасштабные атаки на Китай и если бы китайцы не были изнурены восьмилетней войной, китайские коммунисты вряд ли смогли бы захватить власть». См.: *Тань Аошун*. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 253.

практике. В целом, они рассматриваются как экзистенциальный вызов, который китайский народ смог преодолеть, как событие, схожее по своему значению с Великой Отечественной войной для российского народа.

Так, Чжипэн и Лу пишут: «Унижение раннего современного Китая было предопределено. Относительно консервативная китайская цивилизация столкнулась с экспансией Запада, образовав первый фронт столкновения между Китаем и международным правом. Некоторые ученые готовы однобоко списать этот провал Китая на его консервативность и высокомерие, а другие – на амбиции Запада. На самом деле это – результат сочетания двух факторов... Китай невежественно появился на мировой арене, не имея базового представления о Западе, и беспомощно смирился с тем, что он – рыба или мясо, а другие – нож или разделочная доска»¹. Сяоши Чжан пишет: «Китайские юристы-международники твердо убеждены, что империалистический Запад, а затем Япония, плохо обращались с Китаем, используя международно-правовые инструменты. Восприятие Китаем международного права было обусловлено этим унижительным опытом. Общее и официальное отношение заключается в том, что китайцы не должны забывать прошлое, но будут активно участвовать в формировании будущего международного права... Однако отношение Китая к международному праву после Опиумной войны было историей постоянных разрывов и сбоев. В каждый период современной китайской истории у Китая было разное представление о международном праве: от сопротивления со стороны императорской династии до присоединения, от изоляции и осуждения до принятия. Все эти позиции определяются подводными политическими потребностями»².

Ж. д'Аспремонт и Биньсинь Чжан выделяют следующие особенности китайского нарратива об указанных событиях: последовательность (навязывание – унижение – преодоление); акцент на неравноправных договорах и «лицемерии» международного права; упоминание о встрече цивилизаций, в результате которой китайцы были вынуждены изменить свой государственный строй и способ мышления³; амбивалентное отношение к международному праву (с одной стороны, его сомнительная роль в обслуживании западных интересов, с другой стороны, его прогрессивная роль в части введения Китая в международную систему)⁴.

В настоящее время одним из центральных сюжетов англоязычной доктрины является колониальное наследие⁵; связанный сюжет – отношения между Азией и международным правом⁶. Встреча Китая и Запада, однако, не вызывает большого интереса у западных ученых; во-первых, указанный сюжет в основном охватывает систему мандатов, самоопределение, государственное строительство и развитие (т. е. проблемы, относящиеся к XX в. и в основном свойственные Африке и Ближнему Востоку); во-вторых, потому что Китай не был полностью колонизирован (в связи с этим его случай рассматривается как *sui generis*); в-третьих, в силу языкового барьера и дефицита коммуникации между западным и китайским научными сообществами. Среди авторов, высказавшихся по этому вопросу, следует отметить Ж. д'Аспремонта, показавшего различие двух нарративов о встрече, А. Петерс, рассмотревшую вопрос о действительности неравноправных договоров, и Т. Рускола, исследовавшего контакт между Китаем и Западом в рамках гендерной парадигмы.

¹ Zhipeng He, Lu Sun. Op. cit. P. 101.

² Xiaoshi Zhang. Op. cit. P. 4–5.

³ «На рубеже XX века императорский Китай столкнулся с двумя проблемами: одна состояла в том, чтобы деконструировать империю до государства; вторая – чтобы построить из локального и провинциального Китая нацию и государство... чтобы не допустить его превращения в „простое географическое название“ (Меттерних)» (Yongjin Zhang. System, empire and state in Chinese international relations. P. 61).

⁴ d'Aspremont J., Binxin Zhang. China and international law: Two tales of an encounter // Leiden Journal of International Law. 2021. Vol. 34. P. 906–909.

⁵ Anghie A. Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Chimni B. S. Third World Approaches to International Law: A Manifesto // International Community Law Review. 2006. Vol. 8. P. 3–27; Battle for International Law South-North Perspectives on the Decolonization Era / ed. by J. von Bernstorff, Ph. Dann. Oxford: Oxford University Press, 2019.

⁶ Chesterman S. Asia's Ambivalence about International Law and Institutions: Past, Present and Futures // European Journal of International Law. 2017. Vol. 27. № 4. P. 945–978; Chimni B. S. Is there an Asian approach to International Law? Questions, theses and reflections // Asian Yearbook of International Law. 2008. Vol. 14. P. 249–264.

Т. Рускола, в частности, сравнивает этот контакт с изнасилованием, причем гомосексуальным, так как суверенитет, которым обладали и Запад, и Китай, предполагает маскулинность. В отличие от гипермаскулинной Африки, которую следовало дисциплинировать, Китай рассматривался как недомаскулинный, как уставшая древняя империя. Все признавали его организованность, из-за которой он не мог быть захвачен путем установления простого господства, как племя дикарей. Поэтому инструментом его подчинения стала торговля, а метафорой его первых отношений с Западом было не изнасилование, а половой акт по согласию. Со временем Запад стал относиться к Китаю как к африканским владениям. Во время боксерского восстания Китай был обвинен в преступлениях против человечности; ритуальное осквернение имперских земель союзниками было рассчитано на то, чтобы превратить космологически уникального Сына Неба в одного из суверенов. Как Турция воспринималась как «больной человек Европы», Китай стал восприниматься как «больной человек Азии»; экстерриториальность указывала на промежуточное положение обеих держав на шкале цивилизаций. В конце XIX в. суверенитет Китая стал бессмысленным, так как Запад получил контроль над главными городами, реками и дорогами; объектом суверенитета стало пустое пространство между ними. Несмотря на то что Китай провел ряд реформ, его претензии на суверенитет стали еще менее убедительными, чем раньше. Китай был изнасилован не потому, что он изначально был подвержен изнасилованию из-за его культуры или расы. Колониальное насилие, как и изнасилование, не происходит с заранее определенными жертвами; оно также создает своих жертв на мгновение – посредством риторики, являющейся частью культурного сценария международного права. «Если серьезно отнестись к биологической метафоре, то только европейские государства родились, чтобы быть равными и обладать суверенитетом по праву рождения. Все остальные должны заслужить свой суверенитет, удовлетворяя различным расовым и гендерным критериям цивилизации. Даже когда эти государства соответствуют требуемым нормам, логика родства предполагает, что лучшее, на что они могут надеяться, – это стать пасынками, своего рода транснациональными усыновленными, обладателями суверенитета *second hand*. В худшем же случае они останутся ублюдками, запятнанными незаконным рождением от полового акта за пределами цивилизованных норм права наций»¹.

Вопрос о неравноправных договорах

До недавнего времени вопрос о неравноправных договорах был главным для китайской доктрины международного права². Первым таким договором был Нанкинский договор 1842 г., подписанный на борту британского фрегата *Cornwallis* под угрозой взятия Нанкина. Примеру Великобритании последовали Франция и США, заключившие подобные договоры в 1844 г., затем – другие государства. После каждого поражения Китая ему навязывались новые неравноправные договоры; в итоге их общее количество превысило одну тысячу; с другой стороны в них участвовали 14 европейских государств, а также США, Япония, Перу, Бразилия и Мексика. Работа над их отменой началась сразу после Синьхайской революции и была завершена в 1943 г., став важным инструментом легитимации Гоминьдана и КПК. Китайские власти ссылались на принципы равенства и коренного изменения обстоятельств (*clausula rebus sic stantibus*); в одних случаях они отказывались от договоров в одностороннем порядке; в других – пересматривали их совместно с контрагентами³.

По словам Ван Тейи, главными чертами неравноправных договоров были «сила и неравенство»: они заключались под влиянием принуждения и содержали несимметричные обязательства. Большинство их положений имели отношение к режиму экстерриториальности: Китай соглашался на подчинение иностранцев юрисдикции их консула⁴, присутствие иностранных вооруженных сил, внешнее управление не-

¹ Ruskola T. Raping like a State // UCLA Law Review. 2010. Vol. 57. P. 1477–1536.

² Chen Tqiang. People's Republic of China and Public International Law // Dalhousie Law Journal. 1984. Vol. 8. № 1. P. 8.

³ Chi-Hua Tang. China–Europe // Oxford Handbook of the History of International Law / ed. by A. B. Fassbender, A. Peters.

⁴ Дела с участием китайцев рассматривались китайскими властями; дела с участием иностранцев – иностранными властями; дела, в которых иностранцы были истцами, а китайцы ответчиками, – китайски-

которыми службами (таможней, почтой, железными дорогами, учебными заведениями), освобождение иностранцев от налогов, открытие портов и установление в них особых режимов, свободную деятельность миссионеров, предоставление концессий, уступку территорий, низкие тарифы и т. п. В них часто закреплялся режим наибольшего благоприятствования: уступки в пользу третьей нации автоматически распространялись на контрагента.

Китайская доктрина относится к неравноправным договорам крайне негативно: по ее мнению, они навязали Китаю униженный и подчиненный статус; стали инструментом его угнетения и эксплуатации; распространили на Китай международное право избирательным и лицемерным образом; лишили его возможных средств защиты (он не мог ссылаться на иные нормы международного права)¹. В современных работах данный вопрос, однако, ставится не столь остро: Чжипэн и Лу уделяют обозначенным договорам не так много внимания (хотя и делают те же акценты); а Сюэ Ханьцин вообще начинает рассказ об истории с 1949 г., затрагивая проблему неравноправных договоров лишь в сносках².

Позиция англоязычной доктрины по этому вопросу неоднозначна. Некоторые авторы выступают в защиту неравноправных договоров. По их мнению, условия напоминают условия предшествующих договоров, например с Кокандом³; экстерриториальная юрисдикция не противоречила китайскому пониманию юрисдикции как в первую очередь персональной, а не территориальной; с точки зрения китайцев, иностранцы стояли на более низкой ступени развития, поэтому было логично исключить их из сферы действия китайского права; режим наибольшего благоприятствования можно рассматривать как привилегию, даруемую императором (и которую другие не могли предоставить ему); режимы портов и капитуляции можно рассматривать как своеобразный синтез трибутарной системы и международного права; некоторые договоры были заключены не под влиянием силы; термин «неравноправные договоры» был введен националистами в 1920-х гг.⁴

Вопрос о действительности неравноправных договоров был подробно рассмотрен А. Петерс. По ее мнению, с точки зрения права XIX в. данные договоры были действительными: во-первых, в международных отношениях допускалось применение силы; во-вторых, принцип суверенитета был выделен доктриной, но не применялся на практике; в-третьих, отношения между европейскими и неевропейскими образованиями находились вне сферы действия международного права; в-четвертых, сами азиатские страны не применяли европейское международное право. В итоге отношения с последними регулировались *ad hoc*.

С позиции современного права вопрос более сложен. Прежде всего неясна сфера действия принципа, согласно которому действительность договора может оспариваться только на основании Венской конвенции о праве международных договоров (ст. 42), и можно ли утверждать, что запрет неравноправных договоров содержится в обычном праве (практика в данной сфере едва ли достигает требуемого уровня единообразия и четкости). Неравноправные договоры могут быть оспорены по ряду оснований: во-первых, потому что они не закрепляют взаимные обязательства (но взаимность не является условием действительности); во-вторых, потому что они посягают на суверенитет (но суверенное равенство не предполагает равенства обязательств); в-третьих, потому что они нарушают нормы *jus cogens* (но принцип суверенного равенства не считается абсолютным, запрет применения силы носит про-

ми властями; дела, в которых китайцы были истцами, а иностранцы ответчиками, – консулами. Так, преступления, совершенные китайцами против иностранцев, рассматривались китайскими судами; преступления, совершенные иностранцами против китайцев, – консулами. Экстерриториальная юрисдикция иногда осуществлялась специальными судами, например Британским Верховным судом для Китая в Шанхае и провинциальными консульскими судами. Некоторые договоры предусматривали совместное рассмотрение дел консулами и китайскими властями (смешанными судами). См.: *Wang Tieya*. Op. cit. P. 254–256.

¹ *Wang Tieya*. Op. cit. P. 257–259.

² *Zhipeng He, Lu Sun*. Op. cit. P. 101; *Xue Hanqin*. Chinese Perspectives on International Law: History, Culture and International Law // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 355. 2012. P. 63–64.

³ Коканду было предоставлено право торговать, взимать пошлины и назначать консулов с экстерриториальной юрисдикцией. См.: *Waley-Cohen J*. The sextants of Beijing: global currents in Chinese history. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2000. P. 133, 138.

⁴ Обзор позиций см.: *d'Aspremont J., Binxin Zhang*. Op. cit. P. 904–905.

цедурный характер и предусмотрен ст. 52 Венской конвенции, в то время как ст. 53 касается содержания договоров; самоопределение может влечь недействительность только договоров, заключенных после 1980 г. – с даты вступления Венской конвенции в силу). Советские авторы утверждали, что согласие действительно только тогда, когда речь идет о равных субъектах, но этот критерий – слишком общий.

Другой важный вопрос – возможность прекращения этих договоров. Советская и китайская доктрины утверждали, что договоры могут быть пересмотрены в случае социальной революции (*clausula rebus sic stantibus*); но эта точка зрения не поддерживается большинством; кроме того, данное основание неприменимо к договорам о границах. Международное право не содержит общего запрета на принуждение, отличаясь в этом отношении от гражданского права; чем более организованным будет международное сообщество, тем менее терпимыми будут неравноправные договоры; но такое состояние еще не достигнуто. Вместе с тем концепция договора предполагает свободу договора. Поддерживая неравноправные договоры, международное право принимает существующие дисбалансы в социальной и политической силе. Договоры должны соблюдаться; исключения из этого принципа должны быть ограничены, чтобы не ставить под угрозу определенность и предсказуемость правоотношений. Контроль в отношении неравноправных договоров внесет фактор нестабильности в международный порядок, который и так менее стабилен, чем внутренний. Концепция неравноправных договоров недостаточно четкая, и, если ее принять, стороны могут в любой момент парализовать действие договора, просто заявив о его несправедливости. Без создания института, уполномоченного определять несправедливые договоры, любой тест на неравноправность будет неработоспособен¹.

По мнению Э. Карти, «международные договоры, принимающие дисбалансы», не являются договорами в полном смысле слова. Позиция Петерс предполагает, что мы находимся в джунглях, которые называются правом только для того, чтобы запутать нас². Сам Карти считает, что именно это и имеет место; его критика в основном обращена против придания своекорыстным и агрессивным действиям видимости легальности. В целом, несмотря на некоторое подобие дискуссии между А. Петерс и Э. Карти, вопрос о неравноправных договорах мало интересует европейскую доктрину и остается *вопросом местного значения*.

Конфуцианство как основа синоцентричного порядка

Международно-правовая политика Китая развивалась под сильным влиянием традиционных идеологий, прежде всего конфуцианства. Данные идеологии (конфуцианство, даосизм, легизм и буддизм) были сформулированы до нашей эры, в период раздробленности; в течение последующих двух тысяч лет они были развиты, имплементированы в политическую жизнь и сбалансированы друг с другом. Начиная со II в. до н. э. государство в основном опиралось на конфуцианство, определявшее официальные ритуалы, политическую риторику и содержание подготовки чиновников (экзамены *кэцзюй*). Это обстоятельство может быть объяснено несколькими причинами: тесной связью конфуцианства с культом предков, его объединительным потенциалом и способностью адаптироваться к политической конъюнктуре и дефицитом политического элемента в других идеологиях. Крушение империи в XIX в. сопровождалось радикальной и травматичной перестройкой китайского сознания: с одной стороны, Китай был вынужден отказаться от старых идей и изобрести или заимствовать новые; с другой стороны, старые идеи продолжили существовать в новой среде, придав специфический оттенок заимствованиям (например, марксизму).

Основные элементы *конфуцианства* выглядят следующим образом.

1. Все порядки – семейный, общественный и международный, политический и космический – связаны друг с другом и подчинены общим законам. Эта идея связи легитимирует политическую власть и общественную иерархию, которая отражает иерархию природную (например, превосходство Ян над Инь).

2. Общественный порядок организуется самим человеком на основе принципа *li* (ли, жертвовать, ритуал). *Li* предполагает иерархию и четкое распределение обязан-

¹ Peters A. *Treaties, Unequal* // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. Heidelberg: Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law; Oxford: Oxford University Press, 2009.

² Carty A. *Philosophy of International Law*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. P. 243–245.

ностей между отцом и сыном, правителем и министром, мужем и женой, а также старшим и младшим. Не являются иерархическими только отношения между друзьями.

3. Базовой структурой общества выступает семья, по модели которой организуется государство; базовой добродетелью – сыновняя почтительность (*сяо, xiao*), распространяющаяся концентрическими кругами на родителей, членов общины и императора. Другие этические ценности – преданность (*чжун, zhong*), доброжелательность (*жэнь, ren*) и праведность (*и, yi*).

4. Человек является добрым по своей природе и обладает способностью к самовоспитанию, которым он должен заниматься всю жизнь. Самовоспитание не только делает человека мудрее, но и наделяет его моральным авторитетом, благодаря которому он может управлять другими людьми.

5. Во главе государства должны стоять люди, получившие специальную подготовку и обладающие заслугами (меритократы). Они должны сочувствовать народу и подавать ему пример, а не контролировать его при помощи четких правил. Такое благожелательное правление, культивирующее добродетель, порождает благодарность, послушание и порядок.

6. Закон необходим лишь для наказания нечестивцев; те, кто используют его регулярно, не заслуживают уважения. Стимулом для соблюдения закона должен быть страх позора (потери лица), а не наказания.

7. Идеальный порядок существовал в древности, при старых династиях, последней из которых была Чжоу; впоследствии он был утрачен. Ответ на исторические вызовы, таким образом, нужно искать в прошлом, а не в будущем¹.

Политические аспекты конфуцианства были сформулированы не самим Конфуцием (VI–V вв. до н. э.), а его последователем Мэн-цзы (IV в. до н. э.). По мнению Мэн-цзы, международный порядок должен строиться по модели внутреннего: все его субъекты имеют право на существование, но сильные державы должны играть ведущую роль, подавая пример остальным. Завоевательные войны и вмешательство недопустимы, поскольку наказание может быть наложено только высшим на низшего, а в международных делах отношение между высшим и низшим отсутствует. Слабые, однако, должны почитать сильных и, в частности, выплачивать им дань².

Мо-цзы (V в. до н. э.), основатель *моизма*, считается первым китайским автором, затронувшим вопросы международного права. Он критиковал конфуцианцев за неуважение к богам, дорогостоящие ритуалы, веру в предопределенность, но, как и они, проповедовал всеобщую любовь. Он считал агрессию преступной и признавал право на самооборону, в том числе коллективную. Его последователи, вероятно, были организованы на манер военного ордена, так как они часто привлекались для защиты городов и в своих трактатах уделяли много внимания оборонительной тактике³.

Даосизм, патриархами которого являются Лао-цзы (VI–V вв. до н. э.) и Чжуан-цзы (IV–III вв. до н. э.), исходит из того, что Вселенная управляется принципом Дао (Путь). Следование Дао предполагает *wúwéi* (недеяние, спонтанность): любое действие должно опираться на восприятие текущего момента, на связь между внутренней природой и реальностью, а не на субъективные предпосылки (поэтому Дао подобно воде)⁴. Правитель должен делать сердца людей пустыми, а желудки – полными (у народа не должно быть знаний и страстей). Любая борьба (в том числе в суде) и любое умствование нарушают Дао. С увеличением количества законов увеличивается число воров. Государство должно быть небольшим, а население – редким⁵.

Легизм, видным представителем которого является Хань Фэй (III в. до н. э.), исходил из того, что жизнь людей должна регулироваться позитивным правом (*Fa*) – стабильным, определенным, беспристрастным и общеизвестным. Легисты адаптировали даосский принцип *wúwéi* к управлению: правитель должен создать такие условия,

¹ Junwu Pan. Chinese Philosophy and International Law // Asian Journal of International Law. 2011. Vol. 1. № 2. P. 233–248; Weng Li. Philosophical Influences on Contemporary Chinese Law // Indiana International & Comparative Law Review. 1996. Vol. 6. № 2. P. 332–333; Фицджеральд Ч. П. Указ. соч. С. 223–224; Yongjin Zhang. The idea of order in ancient Chinese political thought: a Wightian exploration. P. 175–178.

² Neff S. C. Op. cit. P. 22–23.

³ Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / пер. Р. В. Котенко. СПб.: Евразия, 1998. С. 70–81.

⁴ Weng Li. Op. cit. P. 332; Zhipeng He, Lu Sun. Op. cit. P. 109.

⁵ Ян Хин-Шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 117, 119, 120, 146, 158.

благодаря которым все в государстве функционирует безупречно, а необходимость вмешательства в работу властей отсутствует. В отличие от конфуцианцев легисты не считали человека добрым по природе, полагая, что мудрецы встречаются редко, а обычные люди не всегда подражают им. Как результат, порядок должен обеспечиваться при помощи наказания и поощрения (а не при помощи воспитания). Лояльность по отношению к государю важнее лояльности по отношению к семье. Правитель не должен никому доверять, может прибегать к насилию, должен заботиться лишь о сельском хозяйстве и не должен помогать беднякам (так как это ущемляет трудолюбивых). Легистские практики широко использовались Цинь Шихуанди; считается, что именно они позволили объединить Китай¹.

Буддизм исходит из того, что жизнь есть страдание, и пропагандирует аскетические практики и развитие добродетелей. В некоторых странах он стал основой для политических концепций², но в Китае его политический потенциал был нивелирован конфуцианством, а во второй половине XIX в. – марксизмом и проблемой Тибета. По словам Чжипэн и Лу, если мы ожидаем, что буддизм поддержит защиту прав и возьмет в руки оружие для защиты законных интересов, «это будет похоже на то, как если бы мы залезли на дерево, чтобы поймать рыбу»³.

Таким образом, ни одна из традиционных китайских идеологий, кроме легизма, не культивировала доверия к праву. Этот феномен иногда объясняют отсутствием в Китае стандарта универсального или божественного права, на основе которого могла бы быть построена система позитивного права; как результат, Китай изначально ориентировался на натуралистскую картину мира и этические кодексы. Недавно эта точка зрения была оспорена с двух позиций: согласно первой из них китайская правовая культура достигла тех же успехов, что и западная, и развивалась согласно одним и тем же закономерностям; согласно второй – эта культура являлась не отсталой, а адекватной местной среде⁴.

Хотя конфуцианство не используется в официальной риторике, оно остается основой политического сознания китайского народа и многих его институтов (например, образования). Некоторые китайские авторы полагают, что в условиях несостоятельности западных концепций оно может стать основой глобального порядка. Так, по мнению Тондонг Бая, западный национализм построен на расовой принадлежности и ведет к конфликтам. Его решение, основанное на идее универсальных прав, также несостоятельно, поскольку предполагает мир без национальной идентичности (в результате государства вынуждены опираться на хрупкую гражданскую идентичность). Западная модель плохо работает в больших государствах, где управление является сложным и даже квалифицированные специалисты (юристы, врачи и пр.) не обладают опытом и временем, необходимым для понимания политики и участия в ней; отсюда – демагогия, коррупция, олигархия и т. п. Следовательно, необходимо выработать культурную и историческую идентичность, которая позволила бы людям наслаждаться чувством сплоченности. Инструмент для этого – меритократия, т. е. власть специально обученных и отобранных управленцев. Меритократия не исключает выборов: народное собрание должно функционировать, но не должно иметь решающего слова. Главным качеством меритократа выступает способность к состраданию; в отличие от избранного лица, представляющего большинство, меритократ заботится о будущих поколениях, меньшинствах и людях, живущих в других государствах, причем делает это бескорыстно и без опоры на одобрение. Сострадание не является врожденным, человек учится ему в семье и, приобретя его, распространяет на сосе-

¹ *Weng Li*. Op. cit. P. 333–335; *Junwu Pan*. Op. cit.; *Евтихов О. В.* Принципы теории управления, описанные в древнекитайских трактатах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 5 (95). С. 40–41; *Yongjin Zhang*. The idea of order in ancient Chinese political thought: a Wightian exploration. P. 181.

² *Толстых В. Л.* Политическое значение буддизма и конституционно-правовой статус буддистской сангхи в Таиланде // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 4 (154). С. 122–146; *Его же.* Роль сангхи в развитии политической и правовой системы Мьянмы (Бирмы) // Там же. 2023. № 3 (153). С. 105–122.

³ *Zhipeng He, Lu Sun*. Op. cit. P. 110.

⁴ Обзор точек зрения см.: *Yonglin Jiang*. Changing paradigms in understanding Chinese imperial law // Third World Quarterly. 2022. Vol. 43. № 9. P. 2289–2305.

дей, общество и весь мир. Благодаря этому стирается различие между частным и публичным. Концепция сострадания может быть перенесена на международные отношения: хороший правитель должен стремиться к благополучию соседних государств. Основой отношений между людьми и государствами должны выступать не законы и наказания, а привычки и практики, направленные на конструктивное сотрудничество и корректируемые посредством обратной связи. Население всегда будет искать защиты у своего правительства (как человек ищет защиты в своей семье). Поэтому на международном уровне государство обязано заботиться в первую очередь о благо своего народа. В связи с этим, хотя сострадание является единственной основой долгосрочного международного сотрудничества, импульс для такого сотрудничества всегда будет относительно слабым¹.

Американский профессор Яшэн Хуан, наоборот, считает конфуцианство несостоятельной идеологией. Основанная на нем система экзаменов *кэцзюй* вынуждала всех, кто хотел стать частью элиты, ориентироваться на служение государству. В результате в Китае сформировалось скованное (*shackled*) общество, в котором негосударственные структуры (церковь, университеты, бизнес, НПО) не могут конкурировать с государством и ограничивать его, так как им не хватает легитимности, статуса или средств. В настоящее время Китай является «государством без общества», в котором партия контролирует все аспекты общественной жизни. Другая проблема конфуцианства – его ориентированность на прошлое и отсутствие в нем стимулов для научного поиска; кроме того, его доминирование стало преградой для появления альтернативных идей и развития скептического мышления².

Заключение

История международно-правовой политики Китая представляет интерес не только сама по себе; она является важным фактором, определяющим восприятие Китаем современного международного права, и постоянным пунктом референции – своего рода мифом, встроенным в официальный дискурс, к которому постоянно обращаются как государственные лидеры, так и представители доктрины. Данное восприятие может быть сформулировано следующим образом.

Во-первых, международное право рассматривается как инструмент, который был использован против Китая и в совокупности с другими инструментами причинил ему огромные страдания. Международное право, однако, не является злом само по себе; скорее злом выступают те, кто используют его во вред другим. Этот инструмент может быть поставлен на службу добра; для этого требуется понять его природу и овладеть навыками обращения с ним³. Соответствующий подход довольно оригинален, но едва ли эффективен: международное право – продукт европейской культуры, присвоение его кем-то, кто не составляют часть этой культуры, вряд ли возможно.

Во-вторых, международное право воспринимается как относящееся к «царству морали», а не к «царству права», т. е. оценивается в первую очередь в системе морально-этических координат, а не в системе координат, используемых правовой наукой (легитимность, определенность, эффективность, соответствие естественному праву и т. п.). Как результат, оно может быть «лицемерным», «унижающим», «избирательным» и т. д. Причина такого подхода – общий дефицит правового начала в китайской культуре и преобладание в ней начала этического. Данная оценка предполагает эмоциональное отношение, но не может использоваться как метод решения правовых коллизий.

¹ *Tongdong Bai. Against Political Equality: The Confucian Case. Princeton: Princeton University Press, 2019.* Обзор см.: *Carty A., Gu J. Theory and Practice in China's Approaches to Multilateralism and Critical Reflections on the Western 'Rules-Based International Order'. IDS Research Report 85. Brighton: Institute of Development Studies, 2021. P. 27–35.*

² *Yasheng Huang. The Rise and Fall of the EAST: How Exams, Autocracy, Stability, and Technology Brought China Success, and Why They Might Lead to Its Decline. Kindle Edition, 2023.*

³ «Гегемония [англоязычной науки] является предпосылкой, которую мы должны принять. Только войдя в эту систему, мы можем добиться преимуществ, так же как в современных видах спорта, таких как настольный теннис, волейбол и прыжки в воду: базовая система является западной, но это не мешает нам войти в нее и добиться высоких результатов. При наличии выдающихся результатов правильным путем реформирования будет постепенный контроль над этой системой и изменение соответствующих норм» (*Zhipeng He, Lu Sun. Op. cit. P. 73.*)

В-третьих, международное право считается навязанным Китаю извне и чуждым его традиции. Китайские авторы уделяют много внимания работе над переводами Э. де Ваттеля и Г. Уитона, фигуре У. Мартина, первым опытам применения международного права и т. п. На поверхностном уровне данный акцент подчеркивает открытость и дружелюбие Китая, но на более глубоком уровне – варварскую природу международного права, из чего, в свою очередь, вытекает право Китая использовать его инструментально (избирательно). Можно сказать, что, будучи *некитайским*, международное право воспринимается как временное, необязательное и *неинтересное*.

В-четвертых, история международного права начинается для Китая в XIX в., т. е. в момент его встречи с Западом. Предыдущие события западной и мировой истории малоинтересны; среди прочего, это означает восприятие в основном позитивистской, а не естественно-правовой традиции. События XIX в. придают истории международного права определенную логику: эта история начинается с порабощения Китая и должна закончиться его эмансипацией и распространением его влияния на весь мир в рамках *обновленной* трибутарной системы. Запад оскорбил не только Китай, но и Небо, которое восстановит гармонию при помощи Китая. Этот тезис обладает мощным легитимирующим потенциалом.

В-пятых, одним из результатов встречи Китая и Запада в XIX в. стала утрата Китаем его территорий: как собственно китайских, так и тех, в отношении которых Китай выполнял цивилизационную миссию. Восстановление прав на эти территории – важная задача китайского правительства. В обоснование соответствующих титулов китайская доктрина формулирует две группы аргументов: первые апеллируют к *status quo* периода империи, а вторые – к западным концепциям; предлагаемые решения часто выглядят эклектичными и уязвимыми, как в случае с Южно-Китайским морем.

В-шестых, международное право воспринимается как ритуал, т. е. как жестко регламентированная совокупность формул и действий. Эти формулы и действия были некогда «подсмотрены» у Запада¹, т. е. восприняты без понимания их внутренней сути и культурного (прежде всего религиозного) контекста. Ритуальность предполагает неизменность, повторяемость, торжественность и символичность и исключает дискуссию и творчество. Не будучи способной преодолеть это ограничение, китайская внешняя политика и обслуживающая ее доктрина в основном сосредоточены на выработке новых (магических) формул, усиливающих ритуальный элемент международного права и ослабляющих его логический элемент. Примером может служить концепция «сообщества единой судьбы человечества» и т. п.

Список литературы

Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.). СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2009. 488 с.

Баскин Ю. А., Фельдман Д. И. История международного права. М.: Междунар. отношения, 1990. 205 с.

Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 2: Период Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.). М.: Восточная лит., 2000. 628 с.; Т. 3: Период Чжаньго (V–III вв. до н. э.). М.: Восточная лит., 2006. 684 с.

Евтихов О. В. Принципы теории управления, описанные в древнекитайских трактатах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 5 (95). С. 36–41.

История дипломатии / под ред. В. А. Зорина и др. Т. 1. М.: ГИПЛ, 1959. 896 с.

Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М.: Восточная лит. РАН, 2002. 446 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия / под ред. С. А. Токарева. М.: Сов. энциклопедия, 1980. 1147 с.

Непомнин О. Е. Внешнеполитическая доктрина традиционного Китая // Восточный курьер. 2021. Вып. 3–4. С. 69–84.

Непомнин О. Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Восточная лит., 2005. 712 с.

Петров Г. Ю. Опиумные войны и легализация наркопотребления в Китае нового времени // Историко-экономические исследования. 2008. № 9 (2). С. 140–150.

Санин К. А. Китайская империя или прообраз ответственной глобальной державы: дискуссии о Цин в КНР и на Западе // Восток (Oriens). 2021. № 4. С. 185–194.

¹ Американский этнограф Р. Лоуи утверждал, что в «примитивных мифах» «весь церемониал просто проецируется в прошлое, как ритуал, преподанный сверхъестественным существом или тайно подсмотренный основателем, когда он исполнялся сверхъестественными существами». Цит. по: Мифы народов мира. Энциклопедия / под ред. С. А. Токарева. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 740.

Стеженская Л. В. Эволюция понятия «мандат Неба» (тяньмин) с древности до наших дней: о добродетели и судьбе // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 8. С. 16–19.

Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 272 с.

Тойнби А. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2010. 640 с.

Толстых В. Л. Политическое значение буддизма и конституционно-правовой статус буддистской сангхи в Таиланде // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 4 (154). С. 122–146.

Толстых В. Л. Роль сасаны и сангхи в развитии политической и правовой системы Мьянмы (Бирмы) // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 3 (153). С. 105–122.

Фицджеральд Ч. П. История Китая. М.: Центрполиграф, 2004. 444 с.

Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / пер. Р. В. Котенко. СПб.: Евразия, 1998. 376 с.

Чакрабартти Д. Провинциализируя Европу / пер. П. Бавин, под ред. В. Морозова. М.: Гараж, 2021. 384 с.

Шицзин. Книга песен и гимнов. М.: Худ. лит., 1987. 352 с.

Ян Хин-Шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.; Л.: АН СССР, 1950. 162 с.

Anghie A. Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 380 p.

Battle for International Law South-North Perspectives on the Decolonization Era / ed. by J. von Bernstorff, Ph. Dann. Oxford: Oxford University Press, 2019. 488 p.

Carrai M. A. Historiographies of International Law from a Chinese Perspective // Clio@Themis. 2020. № 18. 23 p. URL: <http://journals.openedition.org/cliiothemis/302> (дата обращения: 30.10.2024).

Carty A. Philosophy of International Law. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 272 p.

Carty A., Gu J. Theory and Practice in China's Approaches to Multilateralism and Critical Reflections on the Western 'Rules-Based International Order'. IDS Research Report 85. Brighton: Institute of Development Studies, 2021. 78 p.

Chen Tiqiang. People's Republic of China and Public International Law // Dalhousie Law Journal. 1984. Vol. 8. № 1. P. 3–31.

Chesterman S. Asia's Ambivalence about International Law and Institutions: Past, Present and Futures // European Journal of International Law. 2017. Vol. 27. № 4. P. 945–978.

Chiang Kai-shek. China's Destiny. N. Y.: Roy Publishers, 1947. 347 p.

Chimni B. S. Is there an Asian approach to International Law? Questions, theses and reflections // Asian Yearbook of International Law. 2008. Vol. 14. P. 249–264.

Chimni B. S. Third World Approaches to International Law: A Manifesto // International Community Law Review. 2006. Vol. 8. P. 3–27.

d'Aspremont J., Binxin Zhang. China and international law: Two tales of an encounter // Leiden Journal of International Law. 2021. Vol. 34. P. 899–914.

Dun Jen Li. China in Transition, 1517–1911. N. Y.: Van Nostrand Reinhold, 1969. 351 p.

Fairbank J. K., Têng S. Y. On the Ch'ing Tributary System // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1941. Vol. 6. № 2. P. 135–246.

Fletcher J. F. China and Central Asia, 1368–1884 // Chinese World Order / ed. by J. K. Fairbank. Harvard: Harvard University Press, 1968. P. 206–224.

Godehardt N. No End of History. A Chinese Alternative Concept of International Order? SWP Research Paper. Berlin, 2016. 24 p.

Junwu Pan. Chinese Philosophy and International Law // Asian Journal of International Law. 2011. Vol. 1. № 2. P. 233–248.

Millward J. A. Sinicisation, the Tribute System and Dynasties: Three Concepts to Justify Colonialism and Attack non-Sinitic Diversity in the People's Republic of China // IAI Papers 23 | 17 – July 2023. 18 p.

Neff S. C. Justice among Nations: A History of International Law. Harvard: Harvard University Press, 2014. 628 p.

Oxford Handbook of the History of International Law / ed. by A. B. Fassbender, A. Peters. Oxford: Oxford University Press, 2012. 1280 p.

Perdue P. C. The Tenacious Tributary System // Journal of Contemporary China. 2015. Vol. 24. № 96. P. 1002–1014.

Peters A. Treaties, Unequal // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. Heidelberg: Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law; Oxford: Oxford University Press, 2009.

Reus-Smit Ch. Moral Purpose of the State. Princeton: Princeton University Press, 1999. 216 p.

Ruskola T. Raping like a State // UCLA Law Review. 2010. Vol. 57. P. 1477–1536.

Shin Kawashima. China as "Empire": Perceptions of the Tributary System and the Boundaries of China in the Twentieth Century. Tokyo: The Japan Institute of International Affairs, 2022. 13 p.

Tin-bor Hui V. Toward a Confucian Multicultural Approach to a Liberal World Order: Insights from Historical East Asia // *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*. 2005. Vol. 99. P. 413–416.

Tongdong Bai. *Against Political Equality: The Confucian Case*. Princeton: Princeton University Press, 2019. 344 p.

Waley-Cohen J. *The sextants of Beijing: global currents in Chinese history*. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2000. 336 p.

Wang Chenyu. *The Status of Tibet in International Law – From the 1840^s to the 1950^s*. Utrecht: Utrecht University Repository, 2021. 244 p.

Wang Tieya. *International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives* // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 221. 1990. P. 199–369.

Warren G. G. *The First League of Nations* // *New China Review*. 1919. Vol. I. P. 356–367.

Weng Li. *Philosophical Influences on Contemporary Chinese Law* // *Indiana International & Comparative Law Review*. 1996. Vol. 6. № 2. P. 327–336.

Xiaoshi Zhang. *Rethinking International Legal Narrative Concerning Nineteenth Century China: Seeking China's Intellectual Connection to International Law* // *Chinese Journal of Global Governance*. 2018. № 4. P. 1–21.

Xue Hanqin. *Chinese Perspectives on International Law: History, Culture and International Law* // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 355. 2012. P. 41–234.

Yasheng Huang. *The Rise and Fall of the EAST: How Exams, Autocracy, Stability, and Technology Brought China Success, and Why They Might Lead to Its Decline*. Kindle Edition, 2023. 440 p.

Yongjin Zhang, Buzan B. *The Tributary System as International Society in Theory and Practice* // *Chinese Journal of International Politics*. 2012. Vol. 5. P. 3–36.

Yongjin Zhang. *System, empire and state in Chinese international relations* // *Review of International Studies*. 2001. Vol. 27. P. 43–63.

Yongjin Zhang. *The idea of order in ancient Chinese political thought: a Wightian exploration* // *International Affairs*. 2014. Vol. 90. № 1. P. 167–183.

Yonglin Jiang. *Changing paradigms in understanding Chinese imperial law* // *Third World Quarterly*. 2022. Vol. 43. № 9. P. 2289–2305.

Zhao Suisheng. *Rethinking the Chinese World Order: the imperial cycle and the rise of China* // *Journal of Contemporary China*. 2015. Vol. 24. № 96. P. 961–982.

Zhao Tingyang. *A Political World Philosophy in terms of All-under-heaven (Tian-xia)* // *Diogenes*. 2009. Vol. 56. № 1. P. 5–18.

Zhao Tingyang. *All under Heaven: The Tianxia system for a possible world order* / transl. by J. E. Harroff. Oakland: University of California Press, 2021. 301 p.

Zhipeng He, Lu Sun. *A Chinese Theory of International Law*. Singapore: Springer, 2020. 248 p.

References

Anghie A. (2005) *Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law*. Cambridge, Cambridge University Press, 380 p.

Barfield T. Dzh. (2009) *Opasnaya granitsa: kochevye imperii i Kitai (221 g. do n. e. – 1757 g. n. e.)* [The perilous frontier: nomadic empires and China (221 BC to AD 1757)]. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, Nestor-Istoriya, 488 p.

Baskin Yu. A., Fel'dman D. I. (1990) *Istoriya mezhdunarodnogo prava* [History of international law]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 205 p.

Bernstorff J. von, Dann Ph. (Eds.) (2019) *Battle for International Law South-North Perspectives on the Decolonization Era*. Oxford, Oxford University Press, 488 p.

Carrai M. A. (2020) *Historiographies of International Law from a Chinese Perspective*. In *Clio@Themis*, no. 18, 23 p., available at: <http://journals.openedition.org/cliothemis/302> (accessed: 30.10.2024).

Carty A. (2007) *Philosophy of International Law*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 272 p.

Carty A., Gu J. (2021) *Theory and Practice in China's Approaches to Multilateralism and Critical Reflections on the Western 'Rules-Based International Order'*. *IDS Research Report 85*. Brighton, Institute of Development Studies, 78 p.

Chakrabarti D. (2021) *Provintzializiruya Evropu* [Provincialising Europe], transl. by P. Bavin, ed. by V. Morozov. Moscow, Garazh, 384 p.

Chen Tiquang (1984) *People's Republic of China and Public International Law*. In *Dalhousie Law Journal*, vol. 8, no. 1, pp. 3–31.

Chesterman S. (2017) *Asia's Ambivalence about International Law and Institutions: Past, Present and Futures*. In *European Journal of International Law*, vol. 27, no. 4, pp. 945–978.

Chiang Kai-shek (1947) *China's Destiny*. New York, Roy Publishers, 347 p.

Chimni B. S. (2006) *Third World Approaches to International Law: A Manifesto*. In *International Community Law Review*, vol. 8, pp. 3–27.

Chimni B. S. (2008) *Is there an Asian approach to International Law? Questions, theses and reflections*. In *Asian Yearbook of International Law*, vol. 14, pp. 249–264.

- d'Aspremont J., Binxin Zhang (2021) China and international law: Two tales of an encounter. In *Leiden Journal of International Law*, vol. 34, pp. 899–914.
- Dun Jen Li (1969) *China in Transition, 1517–1911*. New York, Van Nostrand Reinhold, 351 p.
- Evtikhov O. V. (2010) Printsipy teorii upravleniya, opisannye v drevnekitaiskikh traktatakh [Principles of management theory described in ancient Chinese treatises]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, is. 5 (95), pp. 36–41.
- Fairbank J. K., Têng S. Y. (1941) On the Ch'ing Tributary System. In *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 6, no. 2, pp. 135–246.
- Fassbender A. B., Peters A. (Eds.) (2012) *Oxford Handbook of the History of International Law*. Oxford, Oxford University Press, 1280 p.
- Ficdzheral'd Ch. P. (2004) *Istoriya Kitaya* [History of China]. Moscow, Tsentrpoligraf, 444 p.
- Fjen Ju-lan' (1998) *Kratkaya istoriya kitaiskoi filosofii* [A Brief History of Chinese Philosophy], transl. by R. V. Kotenko. Saint-Petersburg, Evrazija, 376 p.
- Fletcher J. F. (1968) China and Central Asia, 1368–1884. In Fairbank J. K. (ed.) *Chinese World Order*. Harvard, Harvard University Press, pp. 206–224.
- Godehardt N. (2016) *No End of History. A Chinese Alternative Concept of International Order?* SWP Research Paper. Berlin, 24 p.
- Jan Hin-Shun (1950) *Drevnekitaiskii filosof Lao-tszy i ego uchenie* [The ancient Chinese philosopher Lao-tzu and his teachings]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 162 p.
- Junwu Pan (2011) Chinese Philosophy and International Law. In *Asian Journal of International Law*, vol. 1, no. 2, pp. 233–248.
- Lomanov A. V. (2002) *Khristianstvo i kitaiskaya kul'tura* [Christianity and Chinese Culture]. Moscow, Vostochnaya literatura, 446 p.
- Millward J. A. (2023) Sinicisation, the Tribute System and Dynasties: Three Concepts to Justify Colonialism and Attack non-Sinitic Diversity in the People's Republic of China. In *IAI Papers*, 23 | 17 July, 18 p.
- Neff S. C. (2014) *Justice among Nations: A History of International Law*. Harvard, Harvard University Press, 628 p.
- Nepomnin O. E. (2005) *Istoriya Kitaya: Epokha Tsin. XVII – nachalo XX veka* [History of China: The Qing Era. XVII – beginning of XX century]. Moscow, Vostochnaya literatura, 712 p.
- Nepomnin O. E. (2021) Vneshnepoliticheskaya doktrina traditsionnogo Kitaya [Foreign policy doctrine of traditional China]. In *Vostochnyi kur'er*, is. 3–4, pp. 69–84.
- Perdue P. C. (2015) The Tenacious Tributary System. In *Journal of Contemporary China*, vol. 24, no. 96, pp. 1002–1014.
- Peters A. (2009) Treaties, Unequal. In *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*. Heidelberg, Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law, Oxford, Oxford University Press.
- Petrov G. Yu. (2008) Opiumnye voyny i legalizatsiya narkopotrebleniya v Kitae novogo vremeni [Opium wars and legalisation of drug use in China of the new time]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, no. 9 (2), pp. 140–150.
- Reus-Smit Ch. (1999) *Moral Purpose of the State*. Princeton, Princeton University Press, 216 p.
- Ruskola T. (2010) Raping like a State. In *UCLA Law Review*, vol. 57, pp. 1477–1536.
- Sanin K. A. (2021) Kitaiskaya imperiya ili proobraz otvetstvennoi global'noi derzhavy: diskussii o Tsin v KNR i na Zapade [Chinese empire or the prototype of a responsible global power: debates about the Qing in the PRC and the West]. In *Vostok (Oriens)*, no. 4, pp. 185–194.
- Shiczin. Kniga pesen i gimnov* (1987) [Shijing. Book of songs and hymns]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 352 p.
- Shin Kawashima (2022) *China as «Empire»: Perceptions of the Tributary System and the Boundaries of China in the Twentieth Century*. Tokyo, The Japan Institute of International Affairs, 13 p.
- Stezhenskaya L. V. (2014) Evolyutsiya ponyatiya «mandat Neba» (tyan'min) s drevnosti do nashikh dnei: o dobrodeteli i sud'be [Evolution of the concept of «mandate of Heaven» (tyanmin) from antiquity to the present day: about virtue and fate]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8, pp. 16–19.
- Tan' Aoshuan (2012) *Kitaiskaya kartina mira: yazyk, kul'tura, mental'nost'* [Chinese picture of the world: language, culture, mentality]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 272 p.
- Tin-bor Hui V. (2005) Toward a Confucian Multicultural Approach to a Liberal World Order: Insights from Historical East Asia. In *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*, vol. 99, pp. 413–416.
- Toinbi A. (2010) *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow, Airis-Press, 640 p.
- Tokarev S. A. (Ed.) (1980) *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world. Encyclopaedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1147 p.
- Tolstyh V. L. (2023) Politicheskoe znachenie buddizma i konstitutsionno-pravovoi status buddistskoi sangkhi v Tailande [Political significance of Buddhism and the constitutional and legal

status of the Buddhist sangha in Thailand]. In *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 4 (154), pp. 122–146.

Tolstyh V. L. (2023) Rol' sasany i sangkhi v razvitii politicheskoi i pravovoi sistemy M'yanmy (Birmy) [The role of Śāsana and Sangha in the development of the political and legal system of Myanmar (Burma)]. In *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 3 (153), pp. 105–122.

Tongdong Bai (2019) *Against Political Equality: The Confucian Case*. Princeton, Princeton University Press, 344 p.

Vasil'ev L. S. (2000) *Drevnii Kitai. T. 2: Period Chun'tsyu (VIII–V vv. do n. e.)* [Ancient China. Vol. 2: Chunqiu Period (VIII–V centuries BC)]. Moscow, Vostochnaya literatura, 628 p.

Vasil'ev L.S. (2006) *Drevnii Kitai. T. 3: Period Chzhan'go (V–III vv. do n. e.)* [Ancient China. Vol. 3: Zhanguo period (V–III centuries BC)]. Moscow, Vostochnaya literatura, 684 p.

Waley-Cohen J. (2000) *The sextants of Beijing: global currents in Chinese history*. New York, W. W. Norton & Company, 336 p.

Wang Chenyu (2021) *Status of Tibet in International Law – From the 1840^s to the 1950^s*. Utrecht, Utrecht University Repository, 244 p.

Wang Tiewa (1990) International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives. In *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 221, pp. 199–369.

Warren G. G. (1919) The First League of Nations. In *New China Review*, vol. 1, pp. 356–367.

Weng Li (1996) Philosophical Influences on Contemporary Chinese Law. In *Indiana International & Comparative Law Review*, vol. 6, no. 2, pp. 327–336.

Xiaoshi Zhang (2018) Rethinking International Legal Narrative Concerning Nineteenth Century China: Seeking China's Intellectual Connection to International Law. In *Chinese Journal of Global Governance*, no. 4, pp. 1–21.

Xue Hanqin (2012) Chinese Perspectives on International Law: History, Culture and International Law. In *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 355, pp. 41–234.

Yasheng Huang (2023) *The Rise and Fall of the EAST: How Exams, Autocracy, Stability, and Technology Brought China Success, and Why They Might Lead to Its Decline*. Kindle Edition, 440 p.

Yongjin Zhang (2001) System, empire and state in Chinese international relations. In *Review of International Studies*, vol. 27, pp. 43–63.

Yongjin Zhang (2014) The idea of order in ancient Chinese political thought: a Wightian exploration. In *International Affairs*, vol. 90, no. 1, pp. 167–183.

Yongjin Zhang, Buzan B. (2012) The Tributary System as International Society in Theory and Practice. In *Chinese Journal of International Politics*, vol. 5, pp. 3–36.

Yonglin Jiang (2022) Changing paradigms in understanding Chinese imperial law. In *Third World Quarterly*, vol. 43, no. 9, pp. 2289–2305.

Zhao Suisheng (2015) Rethinking the Chinese World Order: the imperial cycle and the rise of China. In *Journal of Contemporary China*, vol. 24, no. 96, pp. 961–982.

Zhao Tingyang (2009) A Political World Philosophy in terms of All-under-heaven (Tian-xia). In *Dio- genes*, vol. 56, no. 1, pp. 5–18.

Zhao Tingyang (2021) *All under Heaven: The Tianxia system for a possible world order*, transl. by J. E. Harroff, Oakland, University of California Press, 301 p.

Zhipeng He, Lu Sun (2020) *A Chinese Theory of International Law*. Singapore, Springer, 248 p.

Zorin V. A. et al. (Eds.) (1959) *Istoriya diplomatii. T. 1* [History of Diplomacy. Vol. 1]. Moscow, GIPL, 896 p.